

Юлия Ляпина

ВОЗВРАЩАТЬСЯ -
ПЛОХАЯ ПРИМЕТА

Юлия Ляпина

**Возвращаться –
плохая примета. Том 1**

«Автор»

2019

Ляпина Ю.

Возвращаться – плохая примета. Том 1 / Ю. Ляпина — «Автор», 2019

Что может ожидать человека, враждебной волей превращенного в громадного черного пса без малейшей возможности освободиться? Только деградация и смерть. Точно так думал и сам герцог эт Верис, которого враги издевательски обратили в собаку. Что может получиться, если веселую и рослую толстушку-хохотушку вышвырнуть в чужой мир? Да ничего хорошего. Так думала Маргарита Ясновская и тоже была недалеко от истины. А если их соединить вместе? Будут много приключений. И обязательно любовь и спасение, на радость друзьям и на зло врагам. Потому что тогда сила мужества сумеет обернуться верностью и благородством, а чисто женская слабость – любящей силой. Читайте историю приключений герцога – черного пса и травницы Маргариты!

© Ляпина Ю., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юлия Ляпина

Возвращаться – плохая примета! Книга первая

Пролог

Ранним погожим утром королева Араниэ готовилась устроить малый королевский прием в своих покоях. Вокруг нее сновали камеристки, куафер, горничные и дежурные придворные дамы.

– Ваше Величество, извольте взглянуть – какое платье вам приготовить на день? Ваше Величество, какие украшения к нему подобрать? Ваше Величество, чулки простые или узорчатые? – кудахтали камеристки.

Им вторили придворные дамы:

– Ваше Величество, ко двору приехали одновременно герцог Госстарский и посол Афсардии маркиз Луэлянд. А у них между родами кровная месть! Если пересекутся в Вашей приемной – непременно закончится дуэлью, а это международный скандал и моветон!

– Дамы, успокойтесь! Я прикажу разобраться! – пыталась уговорить перевозбужденных подданных королева. – Я надену нежно-розовое с жемчужной отделкой и опаловый гарнитур, – это уже камеристкам.

Неожиданно для всех бесшумно приоткрылась дверь. Вошедшая Хранительница Династии в традиционной черной мантии преклонила колени перед похожим на трон креслом.

– Ваше Величество!

Королева милостиво кивнула, позволяя встать, и тут же велела приготовить ванну с ароматом жасмина. Встрепенувшиеся горничные выбежали за двери.

– Леди, – дружелюбно обратилась Ее Величество к фрейлинам, – проследите, чтобы в мою ванну были добавлены необходимые ароматические композиции.

Сделав почтительные реверансы, дамы вышли на цыпочках – они прекрасно понимали, Ее Величество пожелала остаться со второй дамой королевства тет-а-тет. За ними бесшумно проследовали остальные служанки.

Оставшись наедине с Хранительницей, Араниэ подняла на магичку печальные глаза:

– Руима, как герцог эт Верис? Мальчики все время спрашивают о своем друге. Есть ли какая-нибудь надежда? Можно ли что-нибудь сделать?

– Увы, Ваше Величество, – Хранительница невольно опустила взгляд. Лицо ее приняло виноватое выражение:

– Мои заклинания не в силах ему помочь.

– Он так и останется соба... псом?

– Боюсь, все еще хуже, Ваше Величество, – мрачно ответила волшебница. Вздыхнув, сообщила: – Он категорически отказывается от еды.

Королева встала, нервно ломая руки:

– Он хочет умереть? Но ты говорила, что есть надежда! Нужно приложить все усилия! Саоритас любил его как сына, я не могу подвести его память.

– Он не может так дальше жить, – тихо сказала Хранительница, упорно не поднимая взгляд. Складки ее губ опустились вниз, придавая лицу скорбное выражение. – Поймите государыня, попираются его гордость воина и мужчины, честь аристократа. Его душат безвыходность и отчаяние. И я ничего не могу с этим поделать: безродной черной дворняге не место при дворе.

– А его невеста? – Ее Величество готова была схватиться за соломинку, – Может быть, она сможет убедить его... остаться? – королева посмотрела на Хранительницу сквозь пелену слез. – Я не могу нести еще и этот груз, Руима!

– Он не хочет ей сообщать, – уронила магичка.

Королева удивленно приподнялась:

– Почему?! – женщина пощипала в растерянности мочку уха. Потом сама взяла щетку и нервно провела несколько раз по всей длине роскошных распущенных волос. Спросила в растерянности: – А если устроить им встречу?

– Они встречались, – лаконично отозвалась Руима. Лицо Хранительницы Династии помрачнело от воспоминаний. Она лично привела крупного черного пса во дворец и стала свидетельницей свидания.

Араниэ всхлипнула и сморгнула набежавшую влагу:

– И что случилось?

– Она сказала ему, что выходит замуж за другого.

Королева всплеснула руками. После недолгого молчания, Ее Величество решительно заявила:

– Я распоряжусь, чтобы эту мерзавку отправили прочь от двора! Надолго!

– Это не поможет, Ваше Величество, – негромко произнесла Руима. – Опала леди Валенси не вернет герцога в человеческое состояние, скорее наоборот – только подтолкнет Врана к порогу смерти, потому что он будет чувствовать вину еще и за нее. У меня недавно был странный сон... прошу Ваше Величество отдать распоряжение временно пожить герцогу со мной в деревне. Сам он не захочет покидать столицу. Если сон сбудется, возможно, нам не придется оплакивать Его Светлость.

– Боюсь, нам ничего другого не остается, приказ передадут сегодня же, – королева промокнула кружевным платочком опухшие глаза. – Прошипела: – Я люблю его как сына и продолжаю надеяться. Но эту негодяйку я все-таки лет на пять отлучу от двора...

Глава 1

Под усталыми ногами тихо шуршали мелкие камушки, покрывающие насыпь. Теплый ветер обдувал лицо. Растоптанные босоножки без каблуков скользили по еще влажной траве, свисающей на узкую тропку.

Полная высокая девушка в длинном, почти до пят, светло-голубом джинсовом сарафане шлепала от автобусной остановки через редкий подлесок. Мурлыкая себе под нос веселые песенки и энергично размахивая свободной от сумки рукой, она пересекла железную дорогу. Затем, пристально глядя под ноги, осторожно спустилась с насыпи и потопала дальше, вглубь лесопосадки по узкой тропинке. Слнце золотило ее каштановые волосы и грело спину.

Внезапно в воздухе раздался тихий хлопок – и тропинка опустела, только нетронутые капельки утреннего дождя радужно качались и блестили на длинной траве...

Маргарита

Вот только что под ногами были пестрые утопанные камушки насыпи, по которой я ходила уже три года – и вдруг оказалась скользкая желтая глина! Ноги поехали в разные стороны, волосы упали на лицо, закрывая очки... В результате, приземление на пятую точку оказалось очень болезненным.

Поднялась, кряхтя и постанывая. На глаза от обиды набежали слезы – вот как назло, только сегодня одела новый сарафан, сколько лотков на рынке оббежала, пока нашла!

С моим ростом и весом даже футболку купить проблема: ну не шьют у нас парашютов из хлопка! Вздохнув и поправив очки, наконец оглянулась – и ойкнула. Мама дорогая! Где я?! Рука сама потянулась к кресту на шее.

Вместо прозрачной березовой посадки – высокие сосновые стволы с редким подлеском.

А куда подевались гаражи? Ровные ряды железных ворот, которые постоянно заставляли меня нервно оглядываться: а ну как маньяк в густой тени притаился?

Теперь же... утоптанная тропинка сменилась скользким глинистым откосом. Явно незнакомые места. Как же так?!

Сердце забило где-то в горле. Руки затряслись. Судорожно пытаюсь вздохнуть и взять себя в руки, я клекотала, словно заистеривший ребенок.

Стоять на месте не было сил – подгибались ноги. Решила лучше спуститься вниз и присесть. Очень уж кружилась голова. Вдох. Выдох.

Внизу, под откосом, лес духовитый, сосновый. Капельки дождя свисали с длинных иголок, будто слезинки.

А что, может, я просто задумалась и забрела куда-нибудь?

Нет, не может быть! Ближайший сосновый лесок находится километрах в десяти от остановки, на которую я приезжаю из колледжа. Мои босоножки, хоть и растоптанные, на такое путешествие не рассчитаны.

Хочется сесть, но пеньков нигде нет. О, придумала! Вытянула из кармашка сумки черный пакет с серебристым силуэтом медведя, расстелила его прямо на колючую лесную подстилку, уселась и попыталась подумать.

В лесу жарко и влажно. Пришлось достать бумажный платочек и протереть очки, а заодно и вспотевшее лицо.

Первоочередная задача – где я? Неужели просто заблудилась? Прислушалась: не слышно ни гула машин, ни стука железной дороги с пронзительным ревом пробегающих электричек.

Тихо. Только шум деревьев, звонкая дробь капель и треск сучьев.

Тут меня по макушке шмякнула шишка, и я решила – эврика! – позвонить кому-нибудь. Пусть меня найдут. Ну, и время заодно посмотрю...

Ага, а телефон-то, оказывается, отключен... Нет сети.

Заряжала с утра, что это с ним? Потрясла, потыкала кнопки – ноль эмоций, экран все так же темен и пуст. Связи нет.

Куда идти – Бог весть. Но и на месте сидеть тоже неудобно. Есть уже хочется.

Я возвращалась домой с занятий, а перед тем отсидела четыре пары в аудитории и отбежала пару по тропинкам парка. И в мечтах была уже дома, на диване, с кружкой чая, хорошим бутербродом и книжкой в придачу.

Еще немного посидела, жалея себя. Всхлипнула, поднялась и потопала, куда глаза глядят.

Глядели они туда, где между широких стволов проглядывали трогательные и пушистые невысокие сосенки. Обычно такие маленькие деревца растут на опушках, либо вдоль вырубок, а это уже шанс выбраться на дорогу.

До дороги добраться не удалось – среди зеленых иголок торчало довольно большое пятно, черное в желтый цветочек.

«Кх-х-м!» – пятно распрямилось и оказалось обычной деревенской бабусей. Все просто: темная юбка, бесформенная кофта, беленький платочек и большущая корзина у ног.

Темные внимательные глаза быстренько оглядели меня с ног до головы, и я поспешно заговорила, разгоняя смущение:

– Здравствуйте! Подскажите, пожалуйста, как до деревни дойти?

– Да тут недалеко будет, а ты чейная будешь? Прохоровская, али Зареченская?

– Да я нездешняя! Заплутала, похоже, – невольно подстроившись под деревенский говор, сказала я, растягивая слова.

Бабка еще раз подозрительно окинула меня цепким внимательным взглядом. Пробурчала:

– Одета чисто, а вроде праздника нынче никакого нет, и волосья короткие... Болела, что ль? – уже погромче спросила старушенция.

Я сочла за лучшее с нею согласиться:

– Болела, бабуля...

– А на нос чего вздела?

Вот тут я очень удивилась: где это у нас на Земле есть место, в котором до сих пор неизвестны очки?

– Да так, – говорю. – Вижу плохо, вот и ношу.

– Ну пошли, девка. Покажу тебе наш погост.

Иду и размышляю потихоньку: погостом деревни давненько называли, что это я – в Сибирь убрела? Или в пространственно-временной туннель провалилась? Так бы и посмеялась сама над собой, да боюсь, скорее заору или завою в голос. В такую дичайшую, жуткую по сути ситуацию никогда еще не попадала.

Идти было тяжело. Босоножки щедро черпали сухие иголки, веточки и прочий лесной мусор. Низкие сосенки то и дело забирались колючими лапками под юбку...

Да и жарко. Сумка оттягивала плечо, и я то и дело перебрасывала ее с одной руки на другую. Пыхтела я, как самовар. Хоть и старалась не подавать виду – бабулька юрко пробиралась меж деревьев и готова была в любой момент пропасть из виду.

В таком потогонном ритме кардиотренировки мы почти пробежали минут десять, и вдруг, как в мультике, перед нами открылась деревня.

Руима

С утра волшебница была не в духе: весь вечер просидела над чашей с наговоренной водой и так ничего толком не увидела. Какая-то прыщавая девчонка рядом с принцами... И сразу три линии сходятся на ней! Как же ее, найти, эту барышню? Таких страшеньких в городах и селах особо не берегут, это факт. Но и найти по описанию сложно. Их пяток на пучок. Попробуй-ка одну-единственную отыщи!

Задумавшись, Хранительница Династии подошла к полкам и вынула из ряда потрепанных жизнью фолиантов небольшую, карманного формата книжечку в обложке из толстой, потертой кожи. Пролистала и принялась читать нараспев заклинание поиска. Напевные слова, мелодичные фразы зависали в воздухе, собирались в маленький вихрь, сотканный из капелек воды. По взмаху руки небольшое облачко вылетело в приоткрытую дверь и поднялось ввысь.

К утренней дойке село и окрестности сбрызнуло легким дождиком – досталось и околице, и полям, и ближнему лесу. Сама же сиятельная дама присела к столу и стала ждать. Небольшое зеркальце перед ней поблескивало дорогой серебряной амальгамой. Полированный диск подернулся мелкими капельками воды. Некоторое время ничего не происходило, и другая волшебница, возможно, уже давно заскучала бы, рассматривая знакомые опушки... Но Верховная Хранительница отличалась неистощимым терпением, а еще недюжинными умениями – рядом с зеркальцем легли навощённая дощечка и стилос.

Осмотрев очередной кусочек территории, орошенной дождем, хозяйка делала отметки на тонком воске и переводила зеркальце дальше. Уже настало время обеда, а она все сидела не разгибаясь.

Ну-ка, ну-ка! Неужели оно? В зеркале было хорошо заметно, как открылось жерло портала, которое выплонуло страшенькую темноволосую девицу в светло-голубом сарафане. Дородная молодка с короткой стрижкой и странными стеклышками на лице, соединенными тонкой проволокой, растерянно озирала окрестности, потирая ушибленную пятую точку.

Магиана прищелкнула языком: место, где незнакомую приبلуду выкинуло, довольно знакомое.

Хранительница быстро встала из-за грубо сколоченного стола и прихватила со стола печатный медовый пряник. Волшебница убрала в шкатулку зеркало и покрытую воском дощечку, вернула книгу на полку и, тяжело вздохнув, вышла вон, притворив тяжелую дубовую дверь и дожевывая пряник на ходу.

Глава 2

На окраине села Малые Броды стояла избушка травницы – все в деревне знали, куда бежать за помощью, если порвет зверь или вдруг скрутит лихорадка. Все болезни лечила умелая лекарица, никому не отказывала, хотя норову была крутенького, могла и палкой поперек хребта ежели что не так проехаться. Такое бывало редко, зато помнилось долго. Впрочем, ей и не то прощали за легкую руку и великий талант в своем ремесле. Не одного селянина в свое время с того света вытащила, почитай все село родами принимала – ни один младенец не пропал, ни одну роженицу не свезли на погост. Потому любили и почитали бабку как мать родную и по возможности ей не перечили.

Старуха жила в добротном домике так давно, что уже и не помнили, откуда она тут появилась. Но если случалось бабушке пропадать по своим делам на месяц-другой – тогда сельчанам приходилось несладко. Проходило время, из трубы начинал подниматься к небу легкий, почти прозрачный дымок, и староста вздыхал с облегчением – лекарка на месте.

И нельзя сказать, что травница не искала себе замену. Несколько раз старуха привечала молодых девок, ладных да пригожих, ловких в хозяйстве. Учила их понемножку бабьей науке, но... потом выдавала замуж, дав неплохое приданное. Да и то сказать – жена, сведущая, как зашить рану али принять дитя, в любом семействе нужна. А вот стать травницами не сподобились девки, видно. Тут не хухры-мухры, особый талант нужен. Не каждая сможет.

Но в этот раз бабка удивила все село – притащила откуда-то из Залесья здоровенную темноволосую девку и поселила у себя. Все дивились: бабка впервые послала шустрого мальчонку к старосте с удивительной новостью – мол, взяла ученицу.

Маргарита

Бабуля вывела меня к довольно большому населенному пункту – оштукатуренные разноцветные домики, цветущие вишни и яблони. Темные крыши из толстых досок, крытых чем-то вроде сланцевых пластин. Улочки очень прихотливо изгибались и прятались за высокими цветущими деревьями. Вдалеке виднелась высокая крыша часовни. Я прищурилась: странно, на макушке не крест, и даже не полумесяц, а что-то похожее на солнышко с лучами.

– Вот, девка, и деревня наша. А ты куда шла-то? – довольно внятно проговорила бабулька, хотя производила впечатление очень старой и немощной.

– Домой, – вздохнула я. Подняла голову: – А где тут у вас почта?

Вроде бы на почте обязательно должен быть интернет, или хотя бы телефон. Вот только кому звонить? Родители уехали в отпуск, сестра к своему парню на каникулы, в соседний город, а я вообще через день должна была отбыть на педагогическую практику в детский санаторий!

Дома тишина и пустота. Вон, даже холодильник с утра отключила – чтобы разморозить перед отъездом.

– Почта? – Удивлению бабки не было предела. – Так тебе на голубятню надо?

Тут уж я обалдела: какую голубятню? Редкие сохранившиеся голубятники зарабатывали, сдавая птичек в аренду новобрачным для фотосессий, а вовсе не рассылкой и-мейлов.

Впереди показалась широкая мощеная улица. Каменные плитки кое-где потрескались и вросли в землю. Но в целом улица как улица, ничего необычного.

И тут меня словно по голове жახнуло – вдоль улицы ни одного столба! Асфальта на дороге тоже нет. Совсем.

Ну допустим, глухомань тут такая, что уличного освещения нет. Но ведь и дома стоят совершенно свободно, не тянутся к крышам привычные 'качели' проводов...

Видимо, я застыла на месте и как-то отключилась, потому что очнулась и полностью пришла в себя уже в добротном деревянном домике на широченной, как кровать, лавке. В руке у меня была кружка травяного настоя.

Я изумленно оглянулась и устыдилась. Ну я и красавица! Разлеглась у человека в доме, как у себя, а до сих пор даже представилась!

– Бабушка, а как вас зовут?

– Меня-то Руимой кличут, травница я здешняя. А ты кто будешь? – доброжелательно отозвалась необыкновенно энергичная старушка.

– Маргарита Ясновская, студентка я.

– Студентка... Студень, что ль, варишь?

Это уже совсем не смешно. Я чуть не застонала от непроходимой дремучести местных селян.

– Нет, – вздохнула я, – не студень.

– Ну и ладно.

Бабушка хлопотала у печки, приговаривая что-то утешительное, и все подливала мне чаек, сдабривая его вишневым вареньем и сухариками. Я сделала пару глотков, расширенными глазами разглядывая внутренность избы примерно семнадцатого-восемнадцатого века. Все как на картинке в альбоме «Русская изба», только икон нет. Поперхнулась. После чего поставила на пол кружку и вырубилась повторно. Можно сказать, выбило предохранители.

Проснулась я с ясной головой и хорошим настроением на все той же лавке, в своем сарафане, с сумкой, заткнутой под голову. Проснулась по интересной надобности. А вот куда идти?

На улицу, наверное. Раз уж тут такая глухомань.

Стояло раннее утро. Ночь не успела смениться днем – предрассветный сумрак густо окутывал дома и деревья.

Очки оказались заляпаны непонятно чем. Сарафан после вчерашнего склона не радовал, а уж футболка, надетая под него, – просто «фу»!

Откопав в кармане замусоленный платок, кое-как протерла очки.

И тут же подпрыгнула – возле крыльца на цепи лежала громадная собачица! Я их, в принципе, вообще боюсь – и больших, и малых, а тут мягко говоря, гигантские размеры внушали уважение. К тому же пес явно мог дотянуться до крыльца.

Робко приговаривая: «Хорошая собачка, хорошая», – я скатилась с крылечка, не обращая внимания на жалобно скрипнувшие доски, и постаралась отбежать подальше.

Собак даже не пошевелился, продолжая лениво лежать на боку. Лишь поглядывал на меня удивленно – мол, чего это она?

Тут на крыльцо выперлась вчерашняя бабулька и, глядя на меня со скрытой насмешкой, показала пальцем:

– Уборная вон там, за кустами. А потом в баню пойдешь, ученица.

«Ученица?! Ученица?!!» Сделав несколько шагов, я поняла, что со вчерашнего дня ничего не изменилось: те же домики вокруг. Тот же чистый воздух, без запахов бензина и солярки. Прозрачное небо, не исписанное линиями инверсионного следа реактивных самолетов. Другое время, чужой мир. ЧУЖОЙ!

До бани я не добралась. Стекла на землю у грубой деревянной постройки и зарыдала. Сначала тихонечко заскулила, словно обиженный щенок. Потом начала подвывать, размазывая по лицу горючие слезы. И наконец заикала, давясь огромным горем.

Травница прибежала не сразу: сначала дала мне вырветь страх перед неизвестным. Проститься с родными. Оплакать надежды и мечты. Потом подошла неспешно и вылила на меня ведро воды!

– А-а-апчхи! – От неожиданности я замолчала и принялась чихать.

– Пойдем-ка, девка. Пыль да грязь смоешь – и на душе легче станет, – уверенно заявила местная ведунья.

Я, не сопротивляясь, позволила себя поднять. Шаг за шагом старуха привела меня в баню – низкое строение из потемневших от влаги и времени бревен. Внутри небольшие сени, скамья и печь. В большем отделении – широкие лавки, полки, огромная кадка у самой двери и две бадьи на печи.

– Мойся, сейчас платье принесу. И одежду постирай.

На маленьком окошечке стояли две керамические посудинки – одна покрупнее, небрежно закрытая крышкой, другая совсем крошечная, с плотно притертой деревянной пробкой, обернутой тканью.

– Этим вымоешь тело, этим – волосы, а вот тут для стирки, – и бабушка ушла.

Вообще-то я не в первый раз оказалась в деревенской бане, но чтобы на полке не оказалось даже банального мыла?! И пол земляной. Толстенная доска, брошенная, как мостик к полку.

Даже от слабенького жара баньки голова у корней волос стала противно зудеть. С волосами у меня вечная проблема: жирные, тонкие, висят сосульками. И голову надо мыть каждый день, и стричь приходится чуть ли не ежемесячно.

Поспешно стянула сарафан, стряхнула высохшую глину и бросила в бадью для стирки. Следом полетела футболка, вся в каких-то подозрительных разводах, и белье.

Водичка как раз – не горячая и не холодная. Мочалки нет, но под лавкой стоит горшок с мелким белым песком.

Вот как полезно смотреть передачи ВВС – однажды показывали, как бедуины моются песком вместо мыла. Пригоршня песка, немного воды и – и вуаля!

После песка настало время попробовать жидкость из горшочка – это оказался какой-то кисель с вкраплениями мелких белых цветов и листьев. Пах он почти как мой любимый «травяной шампунь».

Вздыхнув, растерлась еще и этим киселем. Он почти не пенился, только шипел, словно гашеная сода, стекая на пол. Теперь споласкиваем голову пару раз...

В сенях завопилась старуха. Сунулась в дверь, внимательно осмотрела меня всю с ног до головы и вроде осталась довольна.

Бр-р! Вздогнув от холодного воздуха, я взялась за притертую пробку, осторожно раскатала и потянула. Не идет! Еще покрутила. Фиг! Наконец удачно подцепила ногтем краешек и вытянула. В воздухе разлился – нет, торжественно поплыл! – одуренный аромат меда, мяты, перца и горьких трав. Замерев, я вдыхала его и бездумно улыбалась.

Бабушка опять сунула длинный любопытный нос. Пришлось скорее мыть – точнее, допласкивать голову. Хорошо, что волосы короткие и наклоняться не надо: плеснула воды, хлопнула и растерла второй раз «шампунь». Подождала. Потерла у корней, особенно тщательно на темени и за ушами – и смыла парой ковшей водички. Теперь можно идти.

В предбаннике мне показалось очень холодно. На лавке ждало мягкое тканое покрывало. Рядом лежало небольшое льняное полотенце и платье, тоже из льна, но потоньше.

На утоптанном земляном полу вместо моих убитых босоножек стояли... ну, как бы их назвать?.. Первое, что приходило на ум – поршни. Куски кожи, сшитые на подъеме и на пятке, внутрь набита шерсть вместо стельки, дополнительная завязка тоже из кожи. Рядом с платьем обнаружилось что-то похожее на фартук, только узкий и длинный, как и рубаха, плюс плетеный из шерстяных ниток пояс с кистями.

Решив, что стирка в липнущем к телу платье – последнее дело, завернулась в покрывало. Голову обернула полотенцем и пошла стирать. Бельишко развесила у печки, чтобы высохло побыстрее, а футболку и сарафан пришлось долго отмывать от странных бурых пятен на боках. Потом поразвешивала мокрые вещи тут же, в бане, и отправилась мерить обновки.

Трусики и лифчик уже вполне высохли. Платье, хоть и с трудом, на них натянулось. Рукава «три четверти» с завязками. Простой ворот, украшенный узором у горловины, тоже стягивался тесемкой.

Фартук я одела, как поняла – одна половинка свисает с плеч вперед, другая – назад, а сверху все это держит поясок. В таком виде, да еще в кожаных поршнях на босу ногу, поплелась к дому.

Очки в бане тоже отмыла как следует, а вот голова оставалась в полотенце: расческу-то я с собой не взяла!

Пес так и лежал у крыльца, лениво повернув голову в мою сторону. Рядом с крыльцом стояла расписная миска на невысокой табуретке, в ней какая-то каша.

Я присмотрелась и едва не приствиснула: в миске с теплой, парующей кашей зазывно торчала крупная мясная косточка. Рядом ведро воды.

А пес в ту сторону и не смотрит. Худущий, будто его голодом морят. Такой тощий... через комки свалывшейся шерсти ребра наощупь посчитать можно! Хворый он, что ли?

Старуха стояла на крыльце и уговаривала его поесть ворчливым голосом.

– Вран, кому я готовлю, ешь! Смотри, скоро ноги протянешь!

Угрозы не производили на псину никакого впечатления, он гордо смотрел вдаль, словно и не ему говорено.

Потом опустил голову и устало прикрыл глаза: вид, словно у той говорящей цирковой лошади – когда ж вы отстанете, дайте сдохнуть!

А мне пса жалко стало – такой пыльный, худой, но осанистый, словно не двортерьер, а аристократ в – цатом поколении. Голова большая, тяжелая, покрыта она черной лоснящейся шерстью, а не бурыми свалывшимися клочьями, как бока.

Завидев меня, старуха кивнула каким-то своим мыслям, пожелала «с легким паром» и повела в дом.

На столе курился дымком самовар немного непривычного вида – почти квадратный, углы лишь слегка скруглялись под прихотливым узором.

Рядом с дородным самоваром меня ждала в миске нарезанная зелень вроде петрушки и укропа, пара теплых вареных яиц и блюдце сухарей.

Хозяйским жестом лекарка пригласила за стол и вознесла хвалу за трапезу неведомому мне пантеону. И придвинула мне миску:

– Ешь, девка, с голоду добрые мысли не появляются. Мне в твоём возрасте крепко поголодать пришлось, – старушка успокаивающе улыбнулась, – зато теперь пряниками утешаюсь.

На блюдце перед травницей и впрямь красовались печатные пряники с начинкой, и больше ничего.

Чай она мне наливала особо – довольно сладкий травяной отвар в большущую коричневую кружку с розовыми цветочками.

Завтрак сперва показался скудным, да и вареный белок я не очень люблю, но съев яйцо и сухарик, я поняла, что сыта и продолжала пить чай с хрустящими зелеными веточками, которые сначала приняла за петрушку

После еды полезла в сумку – надо же причесать волосы! Пусть они короткие и редкие, зато чистые!

Для себя отметила любопытный взгляд хозяйки дома. Пожалуй, это шанс проверить, действительно ли я не на Земле.

Не спеша раскрыла крышку из плотного кожзама...

Как раз вчера я получила стипендию. И зашла на небольшой рыночек возле колледжа закупить разные мелочи, необходимые приличной девушке для поездки в санаторий

Теперь сыто раздувшаяся сумка наводила меня на разные мысли: если я на Земле, и просто попала в Богом забытый поселок каких-нибудь староверов или никониан, то, возможно, получится подкупить кого-нибудь отвезти весточку в город.

А если я и впрямь оказалась в дремучем Средневековье – то содержимое сумки может дать мне неплохой шанс на благополучную жизнь.

Турбину я тут, конечно, не построю... образование не то, но благодаря любезной старушке смогу узнать, что здесь есть и чего нет. И сыграть на этом.

Хорошо бы попасть в город. Пусть в маленький. В любом городе есть модницы, а у меня в сумке есть косметичка! Помаду тут еще наверняка не делают, да и духи совсем простые, нестойкие. Блестящий серебристо-синий карандаш и тончайшая кисточка жидкой подводки... Да любая красавица за такую упаковку душу продаст! Эксклюзив!

Вдруг хозяйка к чему-то прислушалась и кивнула мне на занавеску у печки, которая прикрывала ход в горницу.

Понятливо кивнув в ответ, я вместе с вещами переместилась туда.

И замерла, прислушиваясь.

Скрипнули ворота. Пес молчал – наверное, все-таки свои. Раздались торопливые легкие шаги, потом голоса.

Две женщины, старая и молодая, громко подвывая, принесли к травнице заболевшего ребенка. Малыш, как ни странно молчал, даже не хныкал. И это пугало больше надрывного крика. Я расковыряла заплатку на занавеске, и выглянула.

Старуха, судя по звукам, быстро убрала все со стола. Плюхнула вода – хозяйка протерла столешницу тряпкой. Сухо зашуршала ткань – набросила холстину. Снова шорохи, и надрывный бабский вой. Впору хоронить кого-то.

Хозяйка скомандовала распеленать ребенка.

Пока тетки возились, лекарка все выпрашивала у ревущей мамашки симптомы.

Итог: дитя не ест, срыгивает все, что проглотил. Пеленки сухие.

Я задумалась, чем можно помочь, и невольно вцепилась в сумку: там есть аспирин! Еще пузырек но-шпы и кетарол. Надо показать таблетки травнице!

Забыв о незваных гостях, я выскочила в кухню и увидела настоящий концерт! Женщины валялись у старухи в ногах и вопили что-то несусветное. Наша бабка уже чуть ли владычица морская!

Из глаз молодой градом катились слезы, а прокушенная губа превращала ее в вампира. Та, что постарше, рвалась на улицу, рассказать всем о своем горе – младенец умирает! И при этом косилась на меня, как на благодарного зрителя: оценила я или нет?

– Ой, кровиночка наша умира-а-эт! Ой, как же я, старая, сыну в глаза посмотрю-у-у?

Нашей бабке концерт быстро надоел, и она решительно выставила женщину постарше из дому. Пинком. Молодке только кивнула:

– Ступай. Сделаю, что Светлые Боги позволят!

Концерт по заявкам продолжился еще немного во дворе и за калиткой. Пока наш Вран не начал им тоскливо подвывать, а ему не начали вторить соседские Бобики и Барбосы. После этого женщины ушли, оставив маленькую человеческую ляльку ведунье.

– Рита, иди сюда! – Позвала лекарка.

Ой, а знахарку нашу как зовут? Я позабыла, или она не представилась?

Стоя у печки, отбросила с лица влажные волосы, натянула очки и ободок, посмотрела – чистые ли руки. Чистые.

Дрожь била так сильно, что сережки в ушах стучали по шее. Я ведь ничего не умею и не помню! Анатомию учила по картинкам, педиатрию – по лекциям забавной молодящейся дамы с начесом и апломбом доктора наук. Чем я могу реально помочь?

Меня осенило. О! Сумка! Лекарства! Подбежав к травнице, суетливо попыталась объяснить ей про таблетки. Слов не хватало. Тогда просто развернула аптечный пакетик с пузырьками и коробками.

Хозяйка дома заинтересовалась. Глянула в шуршащее нутро пластикового мешка. Провела рукой и отрицательно качнула головой:

– Сейчас не надо. Но хорошие зелья.

Ребенок тихонечко пискнул, и она тут же развернулась к столу.

Сначала лекарка ласковыми движениями принялась расправлять синеватый сжавшийся комочек. Потом тихо, на грани слышимости, запела. От ее рук исходило легкое сияние, а в голосе появилась строгая властность.

С этой минуты я действовала как автомат, повинуюсь командам: «Поддай, принеси, поддержи, налей...»

В воздухе разливался запах травяного отвара, который по капле вливался в крошечный кривящийся ротик.

На печи грелись пеленки, которыми мы обкладывали тельце с боков, продолжая растирать тоненькие ручки и ножки. В металлической кадилнице курились травы, облегчающие дыхание и дарующие бодрость. Из уст травницы непрестанно звучала тихая мелодия: вибрирующая, звенящая, несущая жизнь.

Сколько минуло времени – не знаю. Наконец, в напряженной тишине раздался голодный младенческий вопль. Старуха тут же смешала в миске тюрю из хлеба с травяным отваром, капнула теплого козьего молока. Положила немного полученной смеси в тонкий лоскут и сунула соску мальчишке. Довольно почмокав, малыш вскоре задремал.

Красная и блестящая от пота, я плюхнулась на лавку. Сидела и слушала, как музыку, тихое сопение маленького человечка, оставшегося в живых. С другой стороны стола тяжело привалилась на лавку и скамью старуха.

Нет, не старуха. Ее зовут Руима, и она самый лучший доктор, какого я знаю! Далеко не всякий профессиональный реаниматолог смог бы без шприцов и капельниц победить несварение желудка и обезвоживание у такой крошки!

Ребенок все сопел, и Руима сказала:

– Заверни его потеплее, девочка. Справишься?

Без проблем! На втором курсе нас водили на практику в Дом малютки! Вот где было непросто! Пятьдесят лялек на двух нянек, и мы – три косорукие девчонки, боящиеся даже подойти.

Правда, через неделю мы уже лихо пеленали в положенные две пеленки и подгузник и даже ухитрились при этом болтать и улыбаться.

Закутала мальчишку в принесенные женщинами пеленки, думая, что сейчас травница отнесет ребенка домой, а я умоюсь и еще попью чайку. Но все вышло наоборот.

Глава 3

Чистые деревянные ступени вели к невысокому белому домику, обсаженному вишнями. За плетнем квохтали куры. В невидимом за кустами сарае хрюкали и визжали поросята. Хозяйство было небольшим и справным.

Дверь украшал сплетенный из травы венок, украшенный синей лентой. Травница шепотом объяснила мне значение этого украшения:

– Венок – недавнее пополнение в семье. Синяя лента – ребенок мужского пола, подкова – старший сын, наследник. Веточка чабреца должна принести крепость телу, полынь и пижма – отогнать болезнь, завядшие вишневые ветки подарить сладость и красоту.

Мы подошли к домику. Я несла, бережно прижимая к себе сопящего младенца, знахарка – крепкую ореховую палку. Рядом неторопливо вышагивал Вран. Собачка-звонок выкатилась нам под ноги, твякнула и убралась назад в конуру. Черный пес даже не повернул головы, осанистый он какой! Мне захотелось погладить черную шерсть, да руки заняты.

Вытирая руки передником, из сеней выглянула старшая женщина. Испуганно уставилась на сдвинувшую брови травницу.

– Милаву позови, – решительно произнесла знахарка. – Пусть дите примет и покормит, а сама сюда иди, старая перечница.

Через минуту на крыльцо выскочила простоволосая молодка в розовом платье, схватила младенца и унесла в дом. Женщина постарше осталась на крыльце, поджимая губы и поглядывая вокруг – нет ли нежелательных зрителей.

– Я тебе говорила, Катрана, чтобы ты девку не гоняла в поле?! Сказала, что малому мамка нужна? Зови сюда сына! – стала вычитывать сухопарую бабу моя наставница.

На окрик на крыльцо выбрался здоровенный светловолосый вихрастый парень в синей куртке и широких штанах. Травница, легко, как перышко, подняла тяжелый батог и принялась охаживать его по спине и плечам, приговаривая:

– Не гоняй жену в поле, береги жену и дите!

Потом, подустав, медленно опустила палку и все так же строго сказала:

– Неделю будешь баню топить! Жену и малого в баню водить! Мазь я оставлю – растирать обоих! И чтобы в дом носил в тулупе!

Свекровушка каменным столбом молча стояла на крыльце, будто происходящее к ней не имело никакого отношения.

– А тебе, Катрана, за то, что чуть дитя не сгубила – триста раз в храме Светлых богов поклон положить! – Звонким, неожиданно молодым голосом приказала лекарка.

Катрана чуть поморщилась. Думала, наверно: ну, потратит вечерок, зато сын из воли не вырвался!

– А перед каждым поклоном, – Руима чуть прищурилась, – пол в храме помыть!

Старуха взвыла!

А травница чуть повернулась ко мне:

– Пошли, Рита, дальше сами разберутся.

Пока я таращила глаза, силясь понять, что сейчас было, травница начала объяснять усталым голосом:

– Милава – сирота, а Крас у Катраны единый сын. Он ее взял за пригожесть, а свекровь за смиренность. Вот и гоняет молодуху в поле, едва родила, а дите коровьим молоком кормит. По лени холодного нальет, еще и водой развести забудет – а младенцу это не еда, а отравка! Вот у ребенка понос, рвота – глядишь, с голоду ребенок уже и еле дышит. А Крас мать во всем слушает, жену не бережет. Ну да, будем надеяться, ему моя наука впрок пойдет.

С тем же вздохом лекарка вошла на крыльцо своей избы.

– Эх, сколько детей глупые бабы губят! Все из-за ревности своей. – говорила она себе под нос.

Потом подала мне из сеней пару легких берестяных ведерок и коромысло:

– Ступай, воды в баню натаскай. Колодец рядом с грядами. Пообедаем – и помыться надо будет.

Шевелиться не хотелось совсем, но солнце уже клонилось к закату. Платье, одетое утром, уже не блистало чистотой...

Да и все равно, обед еще не готов.

Уговаривая так саму себя, я поплелась искать колодец. Едва сойдя с крылечка, зацепилась длинным подолом за брошенную кем-то палку и свалилась, пребольно ударив большой палец ноги.

Резкая боль словно отворила плотину – захотелось домой, прижаться щекой к маминому боку, вдохнуть крепкий запах табака и железа от отца. Слезы хлынули по щекам, а из горла вместо тихих всхлипов прорвался тоскливый вой.

Села, где упала, прямо на обрезок доски, о который вытирали ноги. И выла, выла, до сухости в горле и истерического икания. Наверное, выплакала все, что накопилось за прошедшие сутки. И только немного успокоившись и утерев нос и соленые дорожки на щеках, поняла: все это время крепко держала за шею ту самую собачицу, что лежала равнодушно у крыльца. Цепь лежала рядом. Похоже, пес вывернулся из ошейника и попал ко мне в утешители.

Обессилено вздохнув, я разжала сведенные в истерике руки. Изумленно полюбовалась высунутым собачьим языком – прижала, похоже, псинку сильно! Удивительно, и как собак стерпел! И даже не попытался меня укусить!

Решительно высморкалась в тот же завалившийся в кармане платок. Всклипнула последний раз и пошла таскать воду, погладив Врана напоследок по лобастой башке.

Кажется, я уже не боюсь собак. Или только одну большую черную собаку?...

Высокий сруб прикрывала простая деревянная крышка, разбухшая от весенних дождей. Толстая веревка, намотанная на жердь, тянулась в глубину, несколько камней в рваной рыбацкой сетке служили противовесом.

Большущей деревянной бадьи как раз хватило наполнить мои ведерки. Только как их надеть на коромысло?

Сложный вопрос. Покрутив его и так, и так, вспомнила образцы народной росписи и попыталась этак небрежно взгромоздить коромысло на одно плечо.

Замечательно. А как ведра цеплять? На корточках садиться?! Присела, зацепила одно ведро – а второе как, оно ж за спиной? В общем, крутилась и так, и эдак, пока не разлила одно ведро. Да прямо в новые поршни!

Вода ледяная. Шерсть не мокнет, но сбилась комком. Ноги скользят...

В общем, сходяв пару раз туда-сюда с ведерками без коромысла, скинула эти кожаные лапки и повесила на тычки для каких-то овощей просушить. Вран трусил за мной, как привязанный. Тыкался холодным носом в босые ноги, цеплял ушами подол. Заглядывал в глаза – точь-в-точь дрессированная немецкая овчарка: все понимает, но не говорит.

Остановившись передохнуть, я охотно гладила лобастую черную голову, вынимала из шерсти репы и любовалась псом: глубокая грудь, горделивая голова, осанка! Красавец!

Ходить по холодноватой земле босиком оказалось приятно. Я быстро наполнила кадушки на печи и уже подбиралась к бадье для стирки, когда от дома послышались шаги. На тропинку вышел рыжеволосый конопатый парнишка лет тринадцати. Увидев меня, он слегка поклонился и пробормотал:

– Госпожа Рита, госпожа Руима велела мне затопить баню.

«Госпожа»?.. Ну, травницу, понятное дело, так называют из великого почтения к ее искусству. А меня-то за что так поименовали?

Пожав плечами, потащила очередную пару ведер с водой к баньке. Парнишка встретил в дверях, почтительно перехватил ведра и сказал, что госпожа Руима ждет меня в доме.

Вот и хорошо, а то тонкие деревянные ручки уже натерли мозоли на пальцах и ладонях!

Прихватив по дороге свои поршни, отряхнула платье, ополоснула руки и лицо в бочке с дождевой водой и вошла в дом, провожаемая тоскливым собачьим взглядом. Ничего себе пенки! Можно подумать, я у него из каши мясо своровала!

* * *

В доме Руима сунула мне в руки корзину с зельями и узел с бельем. Потом пошли в баню и долго мылись. Травница, обмазав меня всю каким-то сладко пахнущим киселем, велела вернуться в покрывало и идти в дом, не пачкая одежду.

На столе чинно стоял странный самовар, на его маковке пыхтел медный чайничек с травяным чаем. В мисках с бульоном плавали маленькие кусочки белого мяса и зелень, вместо хлеба были сухари.

Бульон полагалось просто выпить, а мясо и зелень выловить сухариком или грубоватой деревянной ложкой.

Потом долго и неспешно пили чай с той же сладкой хрустящей травкой, что и утром. Травница с удовольствием, прикрывая глаза грызла медовый пряник, вручив мне сушку:

– Погрызи девка, тебе полезно.

Пот стекал с меня в три ручья, даже сидеть было неудобно – казалось, вот-вот соскользну с лавки.

После еды Руима принимала пациентов. Молодой парень с загноившимся порезом от косы. Молодка с ожогами на руках – из корчаги плеснуло горячим медом. Старик с утробным кашлем и не разгибающейся ногой.

Я пряталась в горнице, запоминая, чем травница лечит селян. И отчаянно зевала, рискуя вывихнуть челюсть.

Наконец стукнула калитка, и Вран простучал когтями по полу. Пес сунул любопытный нос в горницу.

– Поди, проветришь, – ворчливо сказала травница, – посмотри хоть, как народ у нас живет.

Я последовала мудрому совету – мне хотелось посмотреть, что за часовня пряталась среди деревьев. Вран пошел за мной.

На улице было шумно: во дворах стояли столы, за которыми ужинали семьи. Дети бегали между плетней, загоняли на ночь кур и коз, многие с любопытством поглядывали на меня.

Часовня оказалась очень маленькой и очень простой. Я не сразу поняла, что высокие деревья, посаженные по кругу, и есть храм. А сама часовня – только алтарь, увенчанный солнцем.

Дверь высокой деревянной башенки оказалась открытой, закатное солнце падало внутрь, отражаясь сквозь большой круглый витраж. Цветные блики играли на беленых стенах. Я остановилась растерянно, посмотрела на Врана.

– Туда можно?

Пес вел себя сдержанно и торжественно. А еще он не вошел в часовню, только подошел к двери и склонил голову. Я подошла ближе и заглянула: белый камень алтаря, усыпанный простыми полевыми цветами, простой каменный пол. Ни икон, ни статуй. Только солнечный свет.

Постояв еще немного, мы вернулись к домику Руимы.

– Пора спать! – сказала она, прибирая стол. – Сегодня уже никто не придет. Если только рожать кто возьмется.

Я обрядовано зевнула, прикрывая ладонью рот, и забралась в постель.

Теперь уже я спала за печкой, на устланной лавке, а та, где я свалилась накануне, оказалась местом для пациентов. Сама хозяйка дома спала на печи, чтобы быстро вскакивать навстречу неожиданным гостям.

Сумка все так же сыто округлила бока, но я только сунула сверху очки и махнула мысленно рукой – все завтра, а сейчас – спать.

Я успела краем глаза заметить – убедившись, что гостя крепко спит, старуха, мягко ступая, вышла в сени и вошла в чулан, не скрипнув рассохшейся щелястой дверью. Слегка пахло сеном, и снова стало тихо. Перепуганные сверчки застрекотали под окошками, пес приподнял голову и коротко взрыкнул. Потом снова лег и больше не шевелился до самого утра.

* * *

Утром я выперлась на крыльцо в одном покрывале, отчего староста едва не прикусил язык, увидев такое непотребство. Мало того, что страшная и вся зеленая, так еще и почти голая! Но растрепанная ученица лекарки сделала вид, что не заметила его гнева. Почтительно поздоровалась и поспешила в огород умываться.

Седовласый почтенный староста пожаловал к травнице по делам – и на ученицу новую посмотреть, и узнать, не надо ли почтенной старушке какой помощи, да и лекарством от своей хвори разжиться.

Старуха приняла его ласково – усадила на мягкую подушку, налила сладкой водицы с цветочным запахом. И повела неспешную беседу по всем правилам – расспросила о здоровье самого старосты, его жены и трех дочек, покивала сочувственно заботам отца семейства, и даже протянула скляночку с мазью от геморроя. И лишь покончив с вежливой беседой, сказала:

– Девку мою не обижайте! Может почудить, но шибко способная, с первых дней помогать может. А там, глядишь, и на мое место встанет.

Я нахально подслушивала, стоя под окошком, и от ее слов у меня потеплело на душе. Хоть кому-то я здесь нужна!

Старик от неожиданности аж поперхнулся и пошел бурыми пятнами – своими глазами видела! Перебрав узловатыми пальцами по отполированной временем палке, надрывно закричал, и все жалобы на мое бесстыдство увяли на корню.

Кто ж с будущей заменой почтенной знахарки ссорится? Особливо, ежели девка не сегодня-завтра встанет на хозяйское место.

А дальше пошли типичные сельские рассусоливания. Я заскучала.

Понимая, что в избу заходить пока не стоит, уселась на крылечке и от нечего делать стала разбирать спутанную собачью шерсть, вылавливая репы и сухие травинки. Попутно погладила шелковистые собачьи уши, проверила, не туго ли сидит ошейник.

Цепь пес игнорировал, а травница про нее и вовсе не вспоминала. Зато влажные дорожки от слез на собачьей морде меня несказанно огорчили. Сначала я подумала, что у Врана болят глаза. Но карие радужки были яркими, зрачки смотрели ясно, в уголках глаз не было грязи и гноя. А сам взгляд!

Такое страдание я видела только однажды – у молодого парня, сидящего в инвалидной коляске. Я прижала черную собачью голову к груди и долго так сидела, ласково перебирая длинную шерсть.

– Вран, – предложила я, – давай после завтрака сходим к реке? Или на горку какую-нибудь?

Пес тяжело вздохнул и потерся головой о мое одеяние.

– Вот и хорошо, – обрадовалась я, – с тобой мне не страшно!

А в кухне все журчала беседа. Наконец староста поднялся и вышел с травницей на крыльцо. Старуха вежливо проводила его до порога и позвала меня в дом – смыться и переодеться.

Зеленая жижа, которой меня обмазала травница, вся осталась на покрывале. Кожа под нею выглядела чище и белее, а на ощупь стала непривычно гладкой.

Скомандовав:

– Ложись на лавку! – старуха сама натерла мне спину и окрестности прозрачным настоем с резким запахом. Потом, вручив склянку, велела обмазаться целиком и обязательно уделить внимание лицу.

Отдельное притирание полагалось для волос и ногтей. Зубы пришлось почистить мелом с мелкими семечками петрушки. Уф, осталось натянуть льняное платье и плетеный пояс.

Хлопоты с одеванием меня успокоили. Стараясь не думать ни о прошлом, ни о будущем, я собиралась завтракать.

Привычный ароматный чаек, сладкая травка и теплые душистые булочки с незнакомым вкусом пришлись мне по вкусу. Но уже вторую булочку я просто крутила в руках, прихлебывая чай. Сама себе удивляюсь – бывало, в буфете булочек такого размера покупала четыре, а то и пять, и все было мало!

Руима привычно сгрызла пряник и села проверять записи в толстенной тетради. Я обратила внимание, какие у нее длинные ловкие пальцы, как умело она управляет пером. Необычно для сельской бабули.

Вынув расческу, я вышла на крыльцо расчесать еще влажные от притирания волосы. Пес приподнял голову и стал наблюдать, как щетка скользит по волосам.

Старуха, вышедшая следом, наставляла:

– Проводи от корня к концам, ровно, прямо и не менее ста раз!

Я с удовольствием последовала ее совету.

Когда с прической было покончено, травница отправила меня на другой конец села:

– Видишь крышу с флюгером? Кузнец там живет. Ему уголек в глаз отскочил, веки обжег. Мазь передай, и отвар вот этот. Скажи сначала глаз промыть отваром, потом мазь наложить.

Я кивала, запоминая. Шурилась, высматривая нужную крышу. Как я туда доберусь?

– Вран, – попросила Руима, – проводи девочку. Заплутает.

Пес поднялся, отряхивая бока и, зацепив мой подол хвостом, направился к калитке. Фон барон, однако!

Идти пришлось далеко. Домик Руимы располагался почти у околицы, а дом кузнеца – на противоположном конце села, у реки.

Пока я пробиралась между плетней в надежде выйти к кузне, из-за угла выскочила стая собак. Одичавшие шавки, увидев меня, звонко залаяли и кинулись вперед, сокращая дистанцию. За хвостами мелких дворняжек стояли крупные смески, поглядывая на меня с легким презрением.

Собак я боялась панически и уже готова была взлететь на ближайшую поленницу, как слева раздался глухой рык.

Вран выступил вперед. Шавки заткнулись и откатились за спины трех крупных рыжеватых дворняг. Черный пес сделал вперед маленький шагок, не прерывая глухого ворчания. Самый крупный смесок поднял лапу – шагнуть навстречу и... отступил. Развернулся, словно подавая своим команду, и вся стая исчезла в бурьяне.

Ослабевшие колени подогнулись. Я сползла на траву и вцепилась в напряженную собачью шею:

– Спасибо, Вран. Защитник мой! Как я испугалась! – сырость я разводить не стала, но посидела несколько минут, наглаживая пса и успокаивая мелко дрожащие руки.

После этого происшествия дом кузнеца мы отыскали быстро. Я вручила на удивление мелкому, но широкоплечему мужичку горшочек с мазью и кринку с отваром. Передала инструкцию от Руимы. Выслушала благодарность. С поклоном приняла и уложила в корзину новенькие овечьи ножницы.

Обратно шли дружно: Вран бежал впереди, я топала следом, радуясь погожему дню.

– Вран! – позвала я приметив уютный пригорок, – посидим немножко?

Пес согласно ткнулся носом мне в колено. Мы сели на горушку, с которой был виден лес, несколько домиков и часовня.

– Жаль, ты не можешь говорить, – вздохнула я, – рассказал бы мне, какому богу у вас поклоняются, как службы идут. Меня бабушка каждое воскресенье в храм водила. Иногда свечки продавать ставила, но чаще на клирос отводила, чтобы я не бегала по храму, а петь училась.

Вран внимательно слушал, уложив голову на лапы. Договорив, смахнула набежавшую слезинку и вспомнила, что травница ждет нас.

– Пойдем, псинка, нас ждут.

Руима встретила на крылечке.

– Отнесла? Все сказала?

– Все сделала. Кузнец велел вам кланяться и вот подарочек передал! – я протянула травнице ножницы.

Она оценивающе щелкнула ногтем по железу и спрятала инструмент за пояс:

– Вот и славно. Теперь к мельнику сходи. Ему от ревматизма мазь снеси и грудной отвар.

В корзинку плюхнулись два новых горшочка, и мы с Враном потрусили к калитке.

День за днем я бегала по селу, разнося лекарства, получая благодарность в виде яиц, молока, муки и репы. Солнце окончательно выжгло в непокрытых волосах светлые прядки. Лицо и руки покрылись загаром. Зато гоняла туда-сюда я уже довольно быстро, и тяжелая прежде корзина перестала оттягивать руки.

Бродячие собаки еще пару раз караулили меня у околицы, но Вран демонстрировал свои зубки, выступая грозной тенью, и они отступали.

Так прошло несколько недель. В свободное время мы с Враном уходили на горушку, я пела, а пес смиренно лежал, поводя ушами, словно понимал слова. После таких посиделок мне становилось легче. Руима не поощряла тесного знакомства с местными девушками, да и они шарахались от меня с испугом

Однажды утром после длительного молчания Руима сообщила:

– Мне нужно сегодня в лес уйти, дома за хозяйку останешься. Каша для Врана в печи, чай заварен, снадобья твои у кровати стоят, перед сном намажешься. Коли болящего привезут – положи на лавку и меня жди, утром буду.

Я удивленно воззрилась на хозяйку – оставляют одну? Бросают?

– Да не бойся ты! – прикрикнула травница. – Трава сегодня цветет, в самой силе будет. Если не соберу на весь год – без зелья останусь, а оно нужное, роженицам помогает. Да и вернусь я скоро, оглянуться не успеешь!

Я закашлялась.

Недовольно нахмурившись, старуха взяла меня за подбородок:

– Ничего не бойся, ты не одна. Помоги-ка мне лучше собраться.

Я поднялась с крыльца и всюду ходила за хозяйкой избушки хвостиком, пока за той не стукнула засовом калитка.

Глава 4

Заговорщики

Летняя резиденция Династии Риинер была весьма изящным с виду зданием. Многочисленные резные беседки окружали небольшой беломраморный дворец. Высокие шпили, устремлялись в прозрачно-голубое небо.

Окружающий поместье парк был уже по-летнему пышен. Парковые газоны, покрытые изумрудно-зеленой травой, будто подснежниками расцвелись легкими дамскими платьями и затейливыми головными уборами. С лужайки для игры в мяч доносились шлепки по кожаному мешку и гортанные голоса кавалеров. Ветер шевелил скатерти на столах, уставленных напитками и закусками для легкого завтрака на свежем воздухе.

Двое мужчин в темных камзолах сидели в тенистом уголке за маленьким столиком. Поглядывая на веселящихся дам и увлеченных игрой кавалеров, они вели неспешную беседу, потягивая вишневый чай.

Один был худощав, длинноволос и носил традиционный стоячий воротник – признак чиновника высокого ранга. Слегка брезгливое выражение лица и опущенные уголки тонких губ выдавали в нем человека желчного, мелочного и очень строгого с подчиненными.

Второй был крупнее, одет более небрежно. Всей повадкой напоминал горного медведя. Волосы мужчины едва достигали воротника богато расшитого камзола, густая кучерявая борода свисала до пояса. Крупный красный нос и запутавшиеся в бороде крошки выдавали в нем любителя вкусно поесть и хорошо выпить. Вместе с добродушно-лукавой улыбкой мужчины производил убойное впечатление на молоденьких воспитанниц и юных фрейлин двора.

– Наблюдатель доложил, что горные цеха по-прежнему не выдают лицензий на разработку. Но готовы к поставкам по полуторной цене.

– Дорого. Мы сможем извлечь необходимое гораздо быстрее и с меньшими потерями.

– Как вариант, предлагается нелегальная разработка в Чертовом ущелье, но там будут большие человеческие потери.

– С чем связаны? – так же неторопливо поинтересовался бородач.

– Много хищников магического происхождения. По легенде, там взорвалась башня мага-недоучки, а подопытные разбежались.

– А на самом деле?

– Неизвестно. Странные звери есть, и пределов ущелья они практически не покидают. Рудные залежи там не исследовались, но похищенные карты указывают несколько жил, идущих в том направлении от Рудных гор.

Медведеобразный господин задумчиво крутанул в руках чашку с чаем и произнес:

– А Королеве-Матери опять нездоровится?

– Бедняжка слегла после очередной выходки младшего принца.

Тонкая усмешка скользнула по губам худощавого кавалера. Собеседники, переглянувшись, дружно хмыкнули. О нраве пригожей вдовицы ходили легенды, складывающиеся в эпические поэмы. Повсеместно была известна тяга ее величества к кремовым пирожным и дорогим украшениям. Коллекции парюр Королевы – Матери завидовали все окрестные дамы – от баронессы до герцогини.

Но никто, никто не знал, чем живет и занимается на самом деле Ее Величество. И этот вопрос весьма интересовал магов Крови.

Королева и Руима

Сейчас королева пребывала в своих покоях, а на лужайке резвились фрейлины, воспитанницы и гвардейцы под присмотром блюстителей нравственности в виде заморских послов, престарелых советников, и их уважаемых жен.

С противоположной стороны от веселящейся компании приоткрылась малозаметная дверь, ведущая в оранжерею. Под резными кожаными туфельками миниатюрной дамы заскрипел красноватый песок декоративной дорожки. Бахрома шали скользила по высокой траве.

Служанка в темном платье и полотняном переднике осталась у двери, сделав вид, что пришла сюда за нежной весенней зеленью. Пройдя оранжерею, дама вышла в парк и, оставаясь в ажурной тени королевских кленов, поспешила в сад.

Извилистая тропинка, выложенная кусками песчаника, бежала к резному каменному домику. Изящный павильон, искусно состаренный по последней моде, выглядел слегка заброшенным. Его стены увивал плющ, витражные стекла в свинцовых рамах заплылились. Высокое крылечко с чугунными перилами устилала разросшаяся вокруг дома трава.

Дойдя до конца дорожки, дама высыпала на траву немного серебристой пылицы из кошелька на поясе. Щелкнула пальцами и прошла по невидимой тропке прямо к двери, не помяв сочные стебли. Дверь, не скрипнув, отворилась и так же тихо закрылась.

– Приветствую вас, Ваше Величество, – учтиво склонила голову Хранительница Династии.

– Какие новости, Руимасолариэсс? – голос королевы звучал устало.

– Есть хорошие и плохие, Ваше Величество, – магичка умела сдерживать чувства.

– Докладывай.

Прикусив губу, королева осмотрела полированную скамью. Вздохнув, присела и начала нервно тереть уголок шали.

– Ты настаивала – нам необходимо раньше обычного отправиться в летнюю резиденцию! Уверяла, мол, узел событий смещается сюда. Говорила, влиянию династии угрожает Чужая Кровь, на границах неспокойно. Я бросаю все дела в столице, мчусь сюда, а здесь тихо. Объясни, что здесь происходит?

Магичка хранила молчание. Королева стиснула пальцы и продолжила более хладнокровно, с легким оттенком приближающегося гнева:

– Уже две недели затишье. Расколоритер гоняется за фрейлинами и мечет кинжалы в стены. Ульсоритас перебил всех оленей в лесу и теперь гоняет придворных с мишенями, словно кабанов. На все мои вопросы ты отвечаешь, «пусть мальчики развеются»!!! Как это понимать?!

Вдовствующая королева строго взглянула на Хранительницу.

– Все так, Ваше Величество. Беспутное поведение может защитить Их Высочеств от покушений. Ситуация пока не разрешилась. Чужая Кровь бродит поблизости. В ближайшее время будут сложности на границах, – отчиталась волшебница. – Узел событий неподвижен. И он по-прежнему привязан к этому месту.

– А между тем мне становится все тревожнее... Мальчики устали делать глупости, хотят уехать в столицу... – Прервав жалобы Ее Величество собралась и сменила тон: – Есть новости? Что еще скажешь?

– В селе «Большие Ракиты» поймали шпиона из Вестлируса, – доложила магичка. – Ему удалось сманить двух подмастерьев горного цеха. Они подписали магический контракт на два года...

Королева достала батистовый платочек и вытерла пальцы. Полюбовалась дворцом сквозь зеленые ветки и строгим голосом приказала:

– Подмастерьев в стазис. На контракт отправить обученных людей из Тайной канцелярии. Еще есть новости?

– Третьего дня возле деревни «Малые броды» открылся портал. В портал прошло существо из другого мира.

– Кто появился в портале?! – воскликнула королева, приподнимаясь со скамьи. – Опять Чужая Кровь?

Хранительница некоторое время помолчала, потом нехотя ответила:

– Девушка. Сейчас она живет в «Малых бродах»: учит обычаи, лечится. Состояние здоровья не очень хорошее. Не знаю пока, что в ней такого особенного, но она нужна для сохранения Династии.

– Невеста одного из принцев? – прошептала Араниэ

– Не могу сказать точно, Ваше Величество. Предполагать можно что угодно: и спасение мира, и его гибель. Сама она ничего интересного не представляет – простовата, не здорова и без особых магических способностей. Решение за Вами.

Королева задумалась, постучала каблук по гладким доскам и приняла решение:

– Пусть все идет как есть. Не будем спешить. Через три дня прибудет посольство нашего южного соседа. Принцы примут делегацию здесь. Вас, госпожа Руимасолариэсс, я попрошу тоже быть. Объявлено, что королева-мать не здорова. Хозяйкой приема будете Вы. Переговоры проведут принцы, а все остальное предоставим Тайной канцелярии.

Магиана было вскинулась с протестом, но сумела его подавить.

– А пришедшая из другого мира пока пусть побудет у вас, – приказала королева. – Полагаюсь на вашу мудрость и знания, Хранительница. И сообщите мне, что у нас с западным рубежом?

Дамы склонили головы над небольшой иллюзией, появившейся на столе, и стали обсуждать другие государственные дела.

Спустя полтора часа тем же прогулочным шагом Королева-Мать направилась к резиденции. Скромное синее платье мелькнуло на аллее, потом у розария, и его хозяйка скрылась за оранжереей.

Хранительница проводила Ее Величество внимательным взглядом. Убедившись, что вокруг нет людей, магичка плавным движением рук открыла портал.

Маленькая пичужка, тихо сидевшая все это время в своем гнезде, взмахнула крыльями, сделала круг над беседкой и полетела в сторону дворца.

Войдя в гардеробную, королева кинула на кресло теплую шаль. Служанка сноровисто помогла ей расшнуровать платье и переодеться в легкое домашнее платье.

Распустив и расчесав госпоже волосы, камеристка соорудила простую прическу, прикрыв косы кружевом. Закончив, она потихоньку выглянула в соседнюю комнату. Негромко произнесла:

– Пора, Ваше Величество.

Королева вздохнула и отправилась в будуар, оформленный после смерти супруга в сдержанных пепельно-розовых тонах.

Там на диване раскинулся худощавый юноша в голубом камзоле с щедрой позолотой. На его губах блуждала мечтательная улыбка, полузакрытые глаза смотрели в пустоту, рядом стоял поднос с пирожными и графин с вином.

Ее Величество прошла мимо, стараясь не шуршать юбками. За узкой дверью, скрытой за пышной драпировкой, находился маленький кабинет. Там ждал усталый гонец. Королева приняла депеши, прочла. Села за стол и написала ответы.

Через час в кабинет заглянул смущенный мужчина в мундире посольского секретаря. Королева любезно улыбнулась, предложила гостю чай и повела беседу. Мужчина смущался, тербил галуны и пуговицы, но постепенно отмякал. Еще через час утомленная правительница

знала ближайшие планы западного соседа, посольские сплетни и мнение гостя о фрейлинах двора.

Закончив беседу, она проскользнула через гостиную в спальню. Молчаливая служанка, уже знавшая привычки госпожи, приготовила таз с ароматной теплой водой для умывания и несколько салфеток. Допрос человека, находящегося под действием зелья – дело непростое.

Закончив омовение Ее Величество тотчас села за стол и сделала пометки в небольшой записной книжке. Сведения, полученные от лорда, пригодятся кронпринцу на переговорах.

Простившись, она вернулась в гостиную и разбудила спящего юношу. Большие напольные часы в футляре из черного дерева пробили полдень. Молодой человек вздрогнул, возвращаясь из сада наслаждений, в которое его погрузило сладкое вино из личных погребов королевы с капелькой магии Верховной Хранительницы.

– Ваше Величество, простите, я задремал!

– Ничего страшного, лорд Сибеллиус! Это я задержалась со своим туалетом. А теперь пришло время послушать новый квартет графа Вастэра. Он прислал его мне в подарок ко дню рождения. Думаю, вы оцените эту замечательную музыку.

Взяв сонного лорда под руку, королева прихватила со столика веер, и они вышли из гостиной.

Вернувшись с концерта, королева обратилась к служанке:

– Мираниэ, – сегодня вечером малый прием. Приготовь платье для танцев, – камеристка сделала книксен и поспешила к гардеробу.

Ее Величество прошла по комнате и заговорила сама с собой:

– Думаю, интерес к лорду Сибелиусу замечен. Стоит пригласить его на танец. Пусть господин посол попробует внушить через своего протеже свои пожелания, тогда мне будет гораздо легче разобраться в направлении их нынешней внешней политики. Кажется, речь пойдет о границах Дартланских земель и нам светит договор о пошлинах и квотах.

Из клеток с канарейками, стоящих в углу комнаты, раздалась заливиная трель. Королева остановилась, заслушавшись. Потом обернулась к служанке:

– Завтра можно будет пригласить лорда на чай.

– Слушаюсь, Ваше Величество. К чаю подать вино с пирожными?

– Вино и пирожные были в прошлый раз. Пожалуй, закажи повару сливовый чай и аппетитные корзиночки с фруктами, лорд большой сластена.

Сделав книксен, служанка вышла.

Королева, подойдя к окну, вынула из складок пенюяра овальный медальон. В солнечном свете камни сверкали, как звезды. Украшение темного металла, инкрустированное мелкими бриллиантами, было редчайшим артефактом. Крошечные камушки складывались в руну 'Верность'. Все звезды мерцали, но одна, самая маленькая, горела ярче других.

Поднеся медальон к губам, Королева коснулась этой звездочки, и глаза ее наполнились слезами.

Глава 5

Принц Расколоритер ап Риинер скучающе глянул в окно и зевнул, прикрывая рот кружевным платочком. Придворные дамы, собравшиеся в малой гостиной, делали вид, что слушают музыку и спешили строить их высочеству глазки.

В целом картина получилась достойная кисти художника! Музыкантши располагались на фоне изящной гобеленовой драпировки, отделяющей небольшой альков. Вокруг в изысканных позах разместились дамы ближнего круга.

Наряды из плотного цветного бархата выгодно играли на фоне панелей темного дерева. Согласно последним модным веяниям, с высоких причесок фрейлин спускались тонкие полосы газа, расшитые блестками. Квадратные вырезы были по-вечернему смелы.

Чуть поодаль стояли кавалеры в строгих темных костюмах, украшенных широкими дворянскими цепями и строгой благородной вышивкой родовых гербов. Пожилые фрейлины восседали на массивных диванах у стен и подремывали, мерно кивая головами в такт музыке.

Его Высочество, изображая скуку, откровенно позевывал в платок. Одновременно он успевал строить глазки новенькой воспитаннице госпожи эт Бирук. Девушка мучительно краснела и сбивалась с такта. Все это тянулось уже больше часа, и терпение принца истощилось.

Когда флейты в очередной раз повели мелодию, он состроил самое нежное выражение лица. Потом взглянул на розовеющие щеки фрейлины, посылая ей воздушный поцелуй и легкую улыбку.

Мелодия захлебнулась. Гоф-фрейлина, осуждающе качая головой остановила концерт.

Принц с облегчением сбежал в свои покои – нужно было поспать. После ужина ожидалось танцы. И, возможно, еще одна бессонная ночь в погоне за агентами «Чужой крови».

Но едва он вошел в свою комнату, в него полетел кинжал с резной рукоятью из кости. Принц уклонился, кинжал стукнул рукоятью в дверь и упал на пол. Покачав головой, Расколоритер буркнул:

– Все ребячишься, Уль! Не надоело?

– Не надоело, Рас! Мы здесь сидим, как мыши в мышеловке! Изображаем полных идиотов, а мама и госпожа Хранительница делают вид, что все прекрасно!

Их Высочество вздохнул и взъерошил тщательно причесанные волосы.

– Уль, понимаю, что тебе надоело. Ты хотя бы немного можешь развлекаться, а я должен изображать сластолюбивого болвана у ног прелестных леди. Так надо! Ты сам знаешь, сколько мы проживем, если перестанем строить из себя повес и оболтусов, – принц устало плюхнулся на диван, и потер переносицу.

– Сегодня я полночи переписывал счета за оружие и редкие ингредиенты для министра финансов. Шелка, парча, безделушки и духи... Вот, наверное, горничные удивляются, куда Хранительница столько драгоценных масел и духов выливает...

Старший брат задорно подмигнул младшему. Уль невольно улыбнулся. Вскочил с мягкой скамьи подошел к двери:

– Отдыхай. Теперь мой черед развлекать этот зверинец.

Дверь скрипнула. Младший принц ушел.

Принц Ульсоритас

Тонкая волна сизого тумана ползла к лесу. Небольшой конный отряд пробирался через луг к опушке. Не звенели удила, не стучали копыта, укутанные мешками.

Воины переговаривались негромким шепотом, выбирая одну из малозаметных тропинок, ведущих к избушке лесника.

Точку в обсуждении поставил молодой голубоглазый воин в дорогом плаще:

– Едем медленно вдоль тропы, так следов меньше. Спешить сейчас некуда. Адепт просил встречи в полночь, а мы подъедем, когда еще и луна не взойдет. Успеем все там осмотреть.

Воины молча втянулись на тропу вслед за полосами тумана.

Лес встретил их настороженной тишиной.

– Странно, – негромко проговорил самый пожилой из десятка, седовласый бородастый мечник. – Не слышно птиц.

– Уже вечерет, – шепотом возразил другой.

– Тс-с-с, – поднял руку командир, заставляя бойцов насторожиться. Те схватились за оружие. Потом отменил тревогу и засмеялся, заглушая треск сучьев: – Оленя с лежки согнали!

Остальные улыбнулись, не спеша убирать руки с мечей и арбалетов.

– Едем дальше. Груос, в дозор!

Гибкий невысокий юноша скользнул вперед между деревьями, передав коня другу. Шелест веток давно затих, и лес снова наполнял настороженная тишина.

На закате отряд остановился перекусить и размять ноги. Огонь бойцы разводить не стали – пожевали копченого мяса с хлебом, запили крепким отваром из фляг.

Отдохнув и подкрепившись, тщательно натерли руки и лица пучками душистой травы.

Особенно хорошо натирался старик, он же проследил, чтобы молодые воины, не отлынивая, стерли все запахи пищи: береженого Светлые Боги берегут!

Принц Ульсоритас покачивался в седле и размышлял: его отряд сорвали из летней резиденции, не дав времени отыскать мага. И письмо, которое доставил израненный голубь, тоже было странным.

Его прислал юноша, сопровождающий опытного дипломата. Несколько торопливых строк дышали ужасом и назначали встречу в лесной сторожке. Причем, другой голубь, прилетевший тремя днями раньше, сообщил о гибели дипломата при таинственных обстоятельствах.

Уль размышлял, не слишком ли много совпадений – под рукой не оказалось отряда гвардейцев. Рас, известный своим чутьем на дипломатические гадости, уехал на несколько дней. И даже вездесущая Хранительница отправилась на воды!

Все эти мысли не мешали принцу выбирать дорогу, чутко прислушиваться к шуму ветра в кронах деревьев и даже принимать – иногда врагов выдавал запах немывтых тел.

Вокруг сторожки, к которой медленно приближался отряд с принцем во главе, двигались невысокие серые тени. Одна из них, самая темная, руководила остальными.

Подчиняясь повелительным жестам, тени разместились на деревьях, укрылись в высокой траве, залегли на плоской дерновой крыше.

Закутанная в непроницаемо-черный плащ фигура еще раз осмотрела поляну перед сторожкой, взмахнула тонкими гибкими пальцами, накладывая полог тишины, и отступила за покосившуюся хибару.

Птицелов раскинул свою сеть, осталось лишь подождать неразумных птишек.

Не доезжая до поляны, Ульсоритас как всегда распределил воинов:

– Кронтал, прикрой мне спину, Гонтал, ты справа, Сайлин слева. Диар, остаешься с лошадьми. Остальные рассыпью вокруг поляны!

Бойцы привычно рассредоточились, затем медленно, осторожно выбирая путь среди деревьев и кустов подлеска, двинулись к поляне.

В окне избушки приветливо сиял огонек. Вокруг было тихо, но Ульсоритас чувствовал, как волоски на его руках встают дыбом.

Шагнув на поляну, принц замер – его на миг оглушило. Однако коварное заклинание не смогло обездвижить воинов, так как на это рассчитывал адепт «Чужой крови» притаившийся за сторожкой. Они тут же не рассуждая вынули короткий изогнутые клинки, удобные для всадника, а трое щелкнули крючьями, взводя арбалеты.

Адепт с некоторым сожалением пожал плечами: всех попавших в сеть придется убить – и взмахом руки отдал команду своим марионеткам.

В тот же миг вокруг отряда гвардейцев засвистели стрелы. В темноте большая их часть пролетела мимо, но две-три нашли свою цель, серьезно ранив королевских бойцов.

Уль, догадавшись, что в живых их оставлять не собираются, дал команду отступить. Но адепт немедленно отправил подчиненных разбойников в след.

На окраине поляны завязалась схватка, зазвенели сабли.

Чуть в стороне от свалки за высокими кустами стоял молоденький оруженосец, держа в поводу низкорослого крепкого конька. Через ветки бой почти не виден, слышен только шум и ляг. Сердце юнца рвалось в бой, но нельзя: приказ есть приказ.

Нападавшие поражали принца свинцовым блеском глаз и механическими движениями. Опытному воину ничего не стоило от них увернуться, но чтобы вывести незнакомцев в просторных халатах из строя приходилось буквально резать их на куски.

Поначалу, в пылу боя ни принц, ни опытный Кронтал адепта не заметили.

Уже более половины нападавших осели на вытопанную коваными сапогами траву, когда из теней за избушкой выступила фигура в черном балахоне.

Протянув руки, посланец «Чужой крови» начал вливать в подчиненных наемников силу, заставляя их с тупым упрямством кидаться на гвардейцев.

– Кронтал! – крикнул Ульсоритас наставнику. – Видишь?

– Вижу, – ответил старый гвардеец. – Копье бы...

– Попробуй ножом, я прикрою!

Принц знал, о чем говорил, этот прием он отрабатывал с нянчившим его сержантом давно: Кронтал припал на колено, вынимая из ножен в сапоге тяжелый метательный нож, а Уль встал над ним, отменяя попытки околдованных воинов помешать броску.

Нож долетел до фигуры в черном балахоне и бессильно свалился на землю.

– Колдун, – констатировал Кронтал, – а мы своего забыли.

– Не беда, – выдохнул принц, отрубая протянутую к наставнику руку. – Мы почти выбили бойцов. У него, наверное, уже сил нет.

Но близившаяся победа оказалась горькой: в пылу боя один из воинов поскользнулся на влажной от крови траве и неловко упал, открывая командира. Остальные кинулись прикрыть и не успели, совсем чуть-чуть. Но в том-то и дело, что чуть-чуть в таком деле не бывает...

Синий туманный мячик взлетел над сражением, немного повисел в воздухе, словно прицеливаясь, и упал на принца. Гортал и Сайлин одновременно взмахнули мечами, стараясь разорубить комок синего тумана. Боец так спешил, что стукнул своего сюзерена по затылку, сметая колдовскую липучку.

Поняв, что его магическая ловушка достигла цели, адепт швырнул горсть волшебной пыли, заматавая следы, после чего скрылся незамеченным в глубоком овраге за избушкой.

Преследовать его никто не стал. Потерявшие управление нападавшие быстро сдались либо свалились, орошая кровью траву.

Раненые – человек пять-шесть – стояли или сидели на траве. Лошади косили налитыми кровью глазами и тяжело дышали, пережив короткий, но напряженный бой.

В центре поляны прямо на земле лежал раненый принц. Кронтал подбежал и прикоснулся к принцу, пытаясь понять где рана. Его сын подошел вместе с ним, готовый помочь. Едва прикоснувшись к телу, старик отпрыгнул. Заорал:

– Принц заражен «Синей паутиной»! Несите попону!

Изменившись в лице, парень погнал в избушку. Содрал все тряпье, что попало под руку, и бегом вернулся к отцу.

– Теперь скорее завернуть в ткань – и к лекарю, к ближайшему лекарю, владеющему магией! – Старик тяжело вздохнул, смахивая набежавшую слезу: – У него есть сутки. Ежели не найдем ведуна, то принц умрет. Зараза магическая жизнь вытянет.

* * *

Отряд медленно въехал на сельскую улицу. За вороным тянулась волокуша с раненым принцем.

Временный командир отряда поднял руку. Воины замерли. В красно-золотом закатном свете по улице шла пригожая молодка с ведрами на коромысле. Подъехав ближе, предводитель внимательно взглянул на женщину и спросил:

– Красавица, где здесь у вас лекарь есть?

Женщина, остановилась на минуту и указала домик в конце улицы:

– Там живет травница, госпожа Руима.

– Нам бы лучше лекаря, мага, – взмолился усатый воин.

– Она все может. А другой лекарь только в Старых Карпушках, это два дня пути, – пояснила женщина и двинулась дальше своей дорогой.

Покачав головой, воинский наставник направил коня к указанному дому.

Маргарита

Вот и осталась я одна. Стало грустно. Накатило одиночество. Вокруг непривычно тихо. Нет знакомых городских шумов. Слезы сами набежали, но рыдать я не стала. Подняла голову, всмотрелась в розово – голубое небо.

Пора завтрак Врану нести. Сейчас заплету волосы и воды в баню натаскаю. Придет Руима из леса – наверное, вымыться захочет. А потом можно и на пригорке посидеть, тоска одолевает. Домой хочу.

Определившись с планами, встала с крылечка и вошла в дом. Льняное платье немного болталось на боках, я сама не заметила, как похудела. Но так, наверное, и лучше, не так жарко, а то в самое пекло пот льет с меня ручьем.

Волосы стянула маленькой резиночкой. Благо, в сумке лежал целый пакетик таких разноцветных резинок, взятый на месяц. Я вынула его не глядя, взяла резинку и сунула обратно.

Пошла к печи. Сняла заслонку.

Каша оказалась знатная – с мясом, с ароматными травками... Вот удивительно, такую кашу и собаке?

Впрочем, не мое дело. Сказали накормить – пошла кормить. Пожав плечами, принесла из сеней чисто вымытую миску Врана, положила кашу и вышла во двор. Поставила кашу на старый табурет и, как недавно Руима, стала его уговаривать:

– Вран, поешь, каша вкусная! Смотри, какой ты тощий! Ну поешь, пожалуйста!

Пес равнодушно посмотрел перед собой и снова уложил голову на лапы и закрыл глаза.

– Ах, так, – рассердилась я. Подумать только, собака ведет себя как ясельник: «то не буду, это не стану!» Может, ему глистов цитварным семенем погонять? Как хлебнет эту горечь, сразу нормальной едой вдохновится!

Задумалась. Что-то вертелось в голове... Тут мой взгляд упал на большую деревянную ложку, которую я по привычке оставила в миске.

Ага! Мы, значит, ясельники. Ну, ладно!

В мыслях появилась виденная недавно передача про огромных псов – сенбернаров. Ведущий удивленно вопрошал хозяйку питомника: «А как вы кормите таких собак? Морда, мягко

говоря, неудобная, слюнявая?» На что женщина невозмутимо достала половник и просто высыпала пригоршню корма в распахнутую, как чемодан, пасть.

Идея прижилась.

Подхватив большую деревянную ложку наподобие половника, я зачерпнула кашу. Цапнув ошарашенного пса за нос, разжала челюсть и высыпала кашу в распахнутый зев. А потом захлопнула и придержала!

Бедное животное! Наверное, я что-то сделала не так. Он закашлялся, каша полетела во все стороны, а я свалилась на спину, так как сидела на корточках.

Подол задрался, и в голые ноги ткнулся холодный нос в крупинках каши. Фу!

Я быстренько перевернулась, доползла до крылечка и села.

Потом мы дулись друг на друга и не разговаривали. Я отряхивала платье и волосы, вздыхая на пыльные разводы. Пес стоял и разглядывал меня-дурочку, всем видом выражая скепсис.

Посидев еще немного, встал, подошел к миске, которую я чудом не опрокинула, и стал есть, не поднимая головы.

Вран все съел и благодарно лизнул меня в нос. Немного удивленная странной собачьей логикой, я унесла его миску драить и сушить.

Перемыла посуду. Подмела пол и пошла к колодцу, носить воду в баню.

Вран легко сам освободился от ошейника и ходил за мной туда-сюда по тропинке, а когда устал – прилег в зарослях смородины и просто наблюдал, поворачивая голову мне вслед.

Вот и с этим закончила. Есть еще не хочется. Чем заняться?

Знаю, пора разобрать сумку. Скоро месяц как я в этом мире, а руки все не доходят.

Руима показывала мне удобный сундучок в ногах лавки. Часть вещей, наверное, можно убрать туда.

– Так, что у нас тут? – откинула крышку сундучка и потянула язычок молнии на сумке.

Сначала из недр появился пакетик цветных резинок и тут же разлегся на кровати рядом с расческой. Потом две пары носков, белые и голубые, в хрустящей пленке. Блокнот на пружине, набор ручек, крем от загара и целая куча жизненно важного женского барахла.

С особым удовольствием я вытащила мешочек с рукоделием и доклад по философии.

Распределив свои «богатства» в сундучке, пришла к выводу, что ничего особо ценного у меня и нет. Бумажных денег тут не знают, монет мало, да и не золотые они... Разве только за экзотические подвески сойдут.

Документы типа медицинской книжки или направления на практику – вообще пыль. И кому тут может понадобится крем от загара, если все и так смуглые и румяные? В общем, грустно. Правда, был еще небольшой запас лекарств, но он настолько мизерный, что особо погоды не сделает. Да и потом, Руима вылечит любую хворь быстрее, чем я «мяу» скажу.

Глава 6

В ворота постучали. Вран и ухом не повел, а я подкралась к калитке на цыпочках, и тихонько спросила:

– Кто там?

В ответ так же тихо ответили:

– Милава, госпожа! Я вам гостинцы принесла, Крас велел кланяться!

Я осторожно приоткрыла калитку.

На вытоптанном пятачке топталась молодка в розовом платье. Одной рукой она держала ребенка, а другой большую корзину. Чуть в стороне переминался с ноги на ногу ее муж.

– Примите, госпожа, – жарко зашептала женщина, впихивая мне в руки корзину, – век милости вашей не забудем!

Я решила, что Милава с перепугу попутала меня с Руимой, но она низко поклонилась и, оставив корзину на земле и все время оглядываясь, быстро вернулась к мужу. Он тоже мне поклонился, и они отправились обратно домой.

Я сунула нос в корзину. Там оказалась куча продуктов – битая щипаная курица с торчащими желтыми лапами. Целый гусь. Кусочек копченого окорока. Мед, сушеные яблоки, груши и вишни. Горшочек варенья и теплые носки.

Дома я завернула в крапиву тушку гуся и сунула скоропортящийся продукт в погреб – пусть Руима утром разбирается. Громадную курицу поставила на бульон. Это вам не наш бройлер с птицефабрики, пока сварится – часа три пройдет. Отварное мясо домашней курицы вкусное и душистое, но, если не доварить – уж больно жесткое и жилистое. Распихав все по углам, я, чтобы не киснуть, села попить чаю из заботливо укутанного тряпицей чайничка да полистать удачно прихваченные в библиотеке журналы.

Разглядывая яркие фотографии детишек с пластиковыми кубиками, резиновыми мячами и скакалками, грустно вздыхала – как это все недостижимо далеко теперь!

На последней страничке увидела знакомую выкройку: кукла – барыня. Грелка на чайник.

Ароматный чаек, яркая картинка и чистая, но абсолютно ничем не привлекательная тряпица навели меня на мысль сделать Руиме маленький подарок за возню со мной.

Взяла тряпочку, сбегала к бане и выстирала холстинку как следует. Пока мини-флаг развевался на перилах, приготовила все нужное: нитки, иголку, ножницы, завалившиеся в сумке бусинки (ага, был у нас практикум по бисероплетению!).

Походив кругами, отыскала в углу сеней очески шерсти или пакли, не знаю... что-то серое, пушистое и не очень противно пахнущее. Села шить куклу.

Пристроилась прямо на крыльце – светло, тепло и Вран в качестве моральной поддержки.

Пока обдумывала, как буду шить, замулькала под нос развеселую, жутко привязчивую песенку про апельсин, подхваченную на практике.

Скроила простую основу, сметала, усилила скруткой подол и шею, набила тем наполнителем, который сумела отыскать, и принялась украшать, ранила пальцы без наперстка и по этому поводу шипя сквозь зубы.

Иголка была самая обыкновенная, швейная. Нитки толстые, а бисер мелкий и очень разный. Набралось всего понемножку, что насыпалось в сумку при перевозке.

В доме не сыскала ни тесьмы, ни ленточек. Хорошо еще, что в кармашке завалился измученный жизнью тубик контура по ткани. Все же рисовать веселее, чем низать бисер на голую нитку.

К закату я была уже мокрая, словно мышь, и голодная, как волк. А еще уставшая и закостевевшая от неудобной позы. Крылечко – это вам не кресло за любимым рабочим столиком.

Вран спокойно дрых, утомясь моим шипением и заунывным пением. Зато кукла была готова – белокожая, румяная барышня-боярышня в пышном платье с расшитыми бисером круглыми рукавами.

Вместо бус я нацепила ей твердые зеленые шарики какой-то травы, замеченной у забора. Контуром раскрасила бусинки в золотой цвет. Той же краской разрисовала подол. Глазки пришлось рисовать иголкой, пользуясь своей тушью для ресниц, а щеки и губы румянить помадой. В общем, получилась самая обычная кукла на чайник.

Распрямившись, я потянулась, собрала разбросанные по крыльцу лоскутки и пошла в дом.

Любуясь своей работой, водрузила ее на чайничек и занялась насущным – умыться, переодеться, поесть. Вынесла Врану кашу вместе с ложкой. Недовольно фыркнув, он спокойно съел свою порцию и даже облизнулся, подталкивая ко мне пустую миску.

Я хихикнула:

– Что, распробовал? То-то, нечего было носом крутить!

В награду за компанию я поделилась с ним своей булочкой и обнаруженной в сумке шоколадкой. Почему-то на куклу ушло много сил и сладкого хотелось нестерпимо. Вран от сладостей не отказывался, но ел их уложив голову мне на колени.

Вдруг в ворота застучали, громко и нервно. Вран вскочил и, расставив лапы, потянулся в сторону ворот. Я взяла его за шерстистый загривок и потянула ближе к крыльцу. Потом, осмелев, подошла к калитке. Доски лежали плотно, внахлест, ничего не видно.

– Кто там? – крикнула погромче.

– Госпожа, госпожа, откройте! У нас раненый!

Вран прислушался к суете за забором, поддел носом калитку. Я поспешила открыть.

Несколько мужиков, сверкая белками выпученных от натуги глаз, тащили на покрывале или скатерти крупное тяжелое тело, бьющееся и стонающее.

Распахнув калитку пошире, я громко скомандовала:

– Заносите в дом, скорей!

Откуда-то пришла мысль: «Лучше сразу на стол, все равно кровь отмывать».

Пробежав в кухню, убрала все со стола на пол и кивнула растерянным носильщикам:

– Кладите сюда.

Поднатужившись, мужики приподняли свои носилки и развернули на столе. Кровь застыла у меня в жилах. Раненый пугал росчерками алого, бурого и почему-то черного.

– Так, все вон! – строгим голосом, наработанным для умирения шумных подростков, скомандовала я.

В любом случае, сначала нужно промыть и осмотреть, а потом биться головой о стену.

Хорошо, что успела переодеться в свое – у футболки короткие рукава, не будут мешать. Выскочила в сени и вымыла руки со щелоком. Остатками кипятка из самовара заварила тысячелистник, выдернув траву из пучка, свисающего с потолка. Приготовила нож: ополоснула его щелоком и насухо вытерла чистой тряпкой. Хорошо бы еще спиртом протереть.

Пока искала тряпки и воду, вспомнила, что в сумке был флакон лосьона. Он, кажется, на спирту? Пригодится. Достала его тоже.

Мысленно перекрестясь, подумала:

– Жизнь этого человека в моих руках. Страшно, но я сделаю все, чтобы спасти его. – И приступила к делу.

Я срезала одежду, попутно смывая кровь и грязь, и часто полоскала тряпку над тазом с водой, иногда макая лоскут в остывший отвар тысячелистника.

Сунувшегося в двери бородатого мужика отправила за свежей водой и тряпками.

Руки тряслись, но действовали. Все было, словно в кино: оголяла раненого снизу-вверх. Сначала сапоги... один порван. Обмотки... заметила рану на лодыжке, царапины и содранную

кожу. Следом пошли штаны, заляпанные глинистой грязью и кровью, пояс с оружием. Тяжело дался камзол, забивший рану лохмотьями. Потом ликвидировала рубаху. Под ней остался платок или шарф, прижатый к плечу. Длинные каштановые волосы слиплись. Его еще и по голове били?

Наконец лежащее на столе тело было раздето, протерто и готово к осмотру. И что?

У меня затряслись руки.

И тут в голове прозвучал голос: «Голова цела. Ударили вскользь или берет прикрыл. Поболит и пройдет. Ребра треснули – не страшно, с рукой хуже... рогатину ловил? И ногу еще вправлять, а живот надо шить!.. Увернулся хорошо, но поздновато...»

Под мышку ткнулся холодный нос. Я оглянулась и увидела стоящего на лавке Врана. Чего это он? Посмотрела на пса, он коротко твякнул в ответ и убрался под скамью.

Плюнула на рефлексии и позвала мужиков, сидящих на крыльце. Все же одной пациента ворочать неудобно. Объяснила все, как я понимаю, велела принести крепкого вина и достать пару чистых простыней на повязки.

Носильщики переглянулись и потопали куда-то за калитку.

Солнце почти село. Стало темно.

Я накинула на пациента простынь, одеяло и поспешила в огород. Видела я там кое-какие травы. Пока не темно, надо поискать.

Хорошо, что зверобой трудно с чем-то спутать, как и крапиву. Мокрица тоже нашлась в сыром уголке возле бани. И мелисса, и мята... Нагруженная целым букетом, приплелась в дом.

Сил возиться с кремнем не было. Чиркнула спичкой. Зажгла свечу и с нею обошла свисающие над столом масляные лампы. Где-то пришлось поправить фитиль, где-то добавить масла.

Стало светлее. Я увидела, что воины уже выполнили мое распоряжение: на скамье стояла кривая бутылка из керамики. Лежало полотно и пара ножей.

Пока возилась с лампами, в двери заглянул пожилой мужик и отчитался:

– Хозяйка, мы того, воды натаскали, самовар разожгли, еще чего надо?

Самовар пыхтел на лежанке.

Начала с малого – достала пузырек йода, пару таблеток фурацилина, проверила крепость вина. Иголку и нитку утопила в вине, потом в фурацилине.

Позвала мужиков:

– Оружие снять, руки вымыть! Те, кто во дворе, пусть в баню идут. Вы помогать будете, а они гигиену соблюдать!

Мужики, словом не возражая, все сделали и, поглядывая на меня, встали у стола.

– Так! Ты вставай у него в головах, если дернется – будешь держать. Вина ему нельзя – голова ушиблена. Ты вставай в ногах, тоже поддержишь.

Косясь на меня, мужики встали, где велела, но раненого не трогали.

Странные они... Прихватила руку, выслушивала пульс – частит, но это при таких условиях нормально.

Глядя на мои руки почти с благоговейным трепетом, помощники прижали парня к столу. Выдохнула, протерла руки лосьоном и начала.

Самый большой разрез на животе пришлось зашивать – длинный, глубокий, а пластыря мало.

Чуть не захихикала – может, крестиком расшить, чтобы красивее? И, мысленно треснув себя по макушке, заселила иголку льняной ниткой и занялась делом.

Кто бы знал, как человеческая кожа отличается от ткани! Как сбивает с толку дыхание, вздымающее разрез. Один Бог знает, как я мучительно соображала – сшивать только верхний тоненький слой, едва не рвущийся под иголкой, или прихватить поглубже?

Шея затекла, в глазах темно, салфеток накидала полпачки... Уфф, закончила.

Теперь обработать фурацилином вокруг, не задевая шов, затем прикрыть свежим тампоном из полотна и заняться всем прочим.

Руки были изрядно покарябаны и побиты, и почему-то обожжены. Обработала фурацилином и смазала сырым яйцом, благо яиц было в достатке.

Глубокую кровоточащую рану на лодыжке вычистила и наложила бинтик с толчеными в ступке листьями тысячелистника, политыми местным самогоном.

Крепость вроде приличная, надеюсь поможет инфекцию убить...

Ребра забинтовали сами мужики – один приподнимал, второй споро укладывал полосы бинта, прижимая для верности до хруста.

Во время всех процедур раненый стонал, метался. Пару раз едва не свалился со стола. Наконец, затих, и я как раз добралась до головы.

Густые длинные волосы мешали рассмотреть, что там творится. Схватила за ножницы, но потом просто провела руками по голове – кровь есть, запеклась уже коркой, но рана небольшая и неглубокая.

Ладно, посмотрю глаза: если зрачки одинаковые – значит, сотрясения нет. Стричь не буду.

Кончиками пальцев приподняла веки – выкатились мутно-голубые радужки, зрачки медленно и неохотно сузились, но, слава Богу, равномерно. Ну и хорошо, значит, стрижка отменяется.

Вздыхнув, выпрямилась, кивнула мужикам – мол, перекладываем на лавку. Кажется, уже совсем автоматически командую.

Парня уложили на лавку для болящих, укрыли. Сердце сжалось – такой беспомощный, бледный до синевы. Один из помощников тут же присел рядом – ясно, будет ухаживать. Вот и хорошо, уборки тут еще вагон.

Кивнула второму на кучу срезанного тряпья и оружия, которое покидала под стол, указала на дверь. И присела сама. Нет, сидеть нельзя! Надо собрать мусор, заварить мяту с медом или чем-то сладким, и еще компресс для головы не помешает. Спать нельзя – возможна лихорадка, и хорошо бы малину заварить с крапивой и брусникой, от отеков и кровотечений.

В хлопотах над раненым пролетело полночи.

Глава 7

После полуночи я напоминала себе автомат. Из мира исчезли запахи и звуки, остался треск огня в печи, звук льющейся воды и прерывистое дыхание раненого.

После уборки и отваров пришлось доваривать бульон для больного и варганить кашу для остальных. Гусь тоже отправился в печку. Вот и пригодился узелок Милавы! В ход пошло все – и курица, и гусь, и мед, и варенье. Даже носки натянула раненому, он мерз от кровопотери.

К счастью, большая часть носильщиков, бряцая железом, ушла ночевать на сеновал. Со мной остались те двое, что помогали.

Старший, сняв с себя доспех, дремал сидя на лавке возле раненого. Молодой ушел в сени с обнаженным мечом. Еще двое так и топтались у ворот. Им я тоже вынесла миски с варевом и кружки с бодрящим взваром.

Вран черной тенью лежал под лавкой, поглядывая на мирно дремлющего воина. Кашу он проигнорировал, но из дома не выходил, пока я не понесла ужин невольным гостям. Старый воин оценил размер пса и одобрительно кивнул, глядя, как черная тень провожает меня во двор.

Наконец все срочные дела были сделаны, лампы потушены, на столе теплился светильничек. Рядом стояла кружка с отваром и укутанный горшок с бульоном. В миске плавала тряпица для компресса.

Можно идти спать.

Ох, как же хочется хотя бы облиться водой! И тут я вдруг вспомнила, что Руима должна была давно уже вернуться из леса, и даже баню я для нее приготовила! Где же она?

Видимо, я изменилась в лице или подскочила на лавке, потому что в голове прозвучал голос: «Иди спать, Руима будет утром». Опять слишком разговорчивый глюк? Надо хоть пряники на стол поставить, травница их любит. Вынула из шкафчика плетенку, поставила на стол. Потом зашла в горницу, взяла покрывало, льняное платье и пошла в баню.

Печь, конечно, давно остыла, но баня еще прогрета и вода все же теплее воздуха. Я наспех помылась, натянула платье, а футболку и сарафан утопила в корыте с холодной водой: кровь горячей не отстирать. И, зевая, поплелась к дому. Вран ждал на крыльце. Пристально оглядел меня и зацокал когтями по доскам пола, заходя в дом.

Ульсоритас

Засада! Это все-таки была засада! Принц Ульсоритас выхватил меч и, мысленно прося благословения у Светлых богов, кинулся в сечу. И все бы обошлось – беспечными они не были, оружие держали наготове, да и возможность засады никто не отменял... но позади темноглазых наемников виднелась фигура в черной мантии.

Агент «Чужой крови» вливал силы в тела своих подчиненных, делая их быстрее и сильнее, а еще лишая их страха.

Такого воина надо не просто ранить или убить – нужно уронить его, лишит возможности двигаться. То есть разрубить на куски или сжечь, иначе даже куски тел цеплялись за ноги лошадей, хватили стремяна или сапоги тех, против которых шли адепты нового культа.

Застонав в бреду, принц едва не свалился с лавки. Надежные руки наставника подхватили и укутали одеялом, сменили тряпку на лбу:

– Все, все! Уже все, принц. Спите!

Маргарита

В серых рассветных сумерках меня разбудила возня у входа в горницу и глухое басовитое рычание. Мужской голос позвал:

– Лекарка, господину стало хуже!

Стянув с подушки тяжеленную голову, потащилась на кухню, натягивая по дороге ободок на волосы.

– Господи помоги! Что еще случилось? – Очки я брать не стала – вчера как-то без них обошлась и теперь шурилась на огонек лампадки.

Дотопала, посмотрела на раненого и присвистнула. Больной метался в бреду. Горячий, словно печь, лоб буквально обжигал руку. Тряпка свалилась на постель, но была уже почти сухая.

Так, срочно сбивать жар! Но чем?

Для начала намочила простыню в ведре и обернула парня, стараясь не лить воду на повязки, прикрывающие швы. Потом схватила кружку с отваром, заглянула – пусто. Долила из горшка, стоящего в печи, плюхнула побольше варенья и растерла в ложке драгоценные таблетки аспирина, сразу две.

Простыня высохла, но жар, кажется, и не думал уменьшаться. Только раненого заколо-тило мелкой дрожью. Зубы дробно стучали.

И вот как его поить, спрашивается?

Трубки никакой нет, да и как в нее залить отвар?

Вздыхнув, набрала терпкую, сладкую жижу в рот, прижалась к покрытым корочкой, потрескавшимся губам и осторожно, по каплям принялась цедить на шершавый чужой язык.

И так раз за разом.

Щеки свело от сладости и вязкости отвара. По мере расходования, мужик-помощник время от времени подливал жидкость в кружку.

Наконец, бьющееся с горячечными перебоями в груди сердце под моими руками стало биться ровнее, а на лице и теле больного выступили мелкие капельки пота.

Расслабившийся пациент обмяк, дыхание выровнялось.

Можно встать и укутать его одеялом.

Устало загремела ведром, поливая из ковша дрожащие руки и умывая лицо. Утерлась вышитой ширинкой и присела в изголовье. Коснулась ладонью влажного лба – и провалилась в мягкий лесной мох.

Звонкий смех неся отовсюду, в вершинах сосен гулял ветер, солнечные лучи резали глаза. Я летала и кружилась в этом ярком свете, вольном ветре, в аромате колючих зеленых ветвей. Кружилась и пела, громко пела от радости и счастья. Звала смех к себе, а потом, уставшая и переполненная светом, упала на зеленую перину, с которой взлетела, и обняла весь мир.

Проснулась я от голодного бурчания в животе и от аромата горячих булочек, плывущего в воздухе. Уютно поежилась под лоскутным одеялом – красота!

Потянулась, расправляя сведенные сном конечности, и тут же услышала голос Руимы:

– Проснулась? Вставай давай! Обед на столе.

Вскочила, удивившись той радости, которую вызвал во мне этот голос, и вышла в кухню как была – растрепанная, в мятом платье, с отпечатком подушки на лице.

И замерла неловко – за столом, накрытым нарядной красной скатертью, сидела Руима и грызла пряник, запивая чаем. Подле нее примостился вчерашний воин, а на лавке для больных полусидел красивый молодой парень с длинными каштановыми волосами и прихлебывал из глиняной чашки бульон.

Усмехнувшись, травница сказала:

– Все в бане приготовлено, только гребень возьми. Смой с себя остатки чужой хворобы, чтоб не вернулась.

Смутившись еще больше, вернулась в горницу за расческой и поспешила через огород к бане. Баня полыхала жаром, знакомые горшочки стояли на подоконнике, а в сенях лежало чистое льняное платье и передник. Быстро помывшись, вернулась к столу. Голова кружилась от аромата выпечки, а живот недовольно бурчал.

Молодой воин махал мечом во дворе. Завидев меня, он низко склонился, едва не задев лбом колени. Я шарахнулась. Что это с ним?

Вран сидел в будке, но странное дело – даже не вышел поздороваться. Только глаза блеснули из тени, а потом он опустил голову и обреченно закрыл глаза, как в прежние времена. На меня повеяло хорошо знакомой не собачьей – чисто человеческой неизбывной тоской.

Мне стало грустно. Захотелось его погладить, перебрать густую остистую шерсть. Шагнула было к нему... и остановилась. Фантазия какая-то – очеловечивать собаку!

Вошла в дом и удивилась еще больше – пожилой воин поднялся из-за стола, освобождая почетное место. Склонившись в поклоне, он пересел к уже вновь лежащему раненому.

Руима, усмехаясь, поставила передо мной кружку и принялась наливать травяной отвар из чайника, для которого я сшила куклу.

Я немножко удивилась: отвар тонко пах апельсином. Откуда? Но потом отвлеклась – рядом на блюде лежали куски мяса, зелень и незнакомые желтые фрукты в зеленую полоску, а я была голодна.

– Ешь! Сил много потеряла. Но, думаю, благодарность за спасение принца тебе понравится.

Вот тут я чуть весь стол чаем не забрызгала – принца?

Тут же вспомнился любимый мультик «Золушка». Какой там был принц – нежный, хрупкий, с большими оленьими глазами и изящной короной на макушке. А тут?..

Растерянно уставилась на лежащего на лавке парня – ну, молодой. Щетина вылезла. Волосы длинные, яркие, но слипшиеся от пота и крови. Глаза полузакрыты, но вспомнилось, что вчера были мутно-голубыми, как искусственная бирюза.

Рост... не понять, лежит. Ноги длинные... И крепкий вроде. Без сторонней помощи я его вчера ворочать точно бы не смогла. Ну принц и принц! Я вот епископа на службе видела, тоже дядька огромный, в торжественных одеждах... А вышла из храма, за углом в машину бережно усаживали усталого старичка в брюках и белой рубашке. А он светло улыбался и раздавал благословения.

Руима лукаво усмехаясь, совсем как моя бабуля! Понаслаждалась сменой эмоций на моей физиономии и произнесла:

– Когда поешь – посмотри Его Высочеству голову. Думаю, уже можно очистить рану.

Наевшись, пересела на лавку к парню. Ну не могу я его принцем называть! Парень и парень. На вид лет двадцать. Лицо осунулось, аж веснушки проступили!

Посмотрела на спутанные волосы: ну и как тут рану смотреть?

Пошла к себе, за печку. Достала маленькую пластиковую расческу и снадобье для волос, несколько ватных дисков. Поиграем в парикмахера!

Пока разбирала спутанные пряди, смачивая их травяной жижей, мы разговорились. Представились друг другу. Оказалось, зовут принца Ульсоритас – ну и имечко, язык сломаешь! Впрочем, мне разрешалось обращаться к нему «Ваше Высочество» или в неофициальной обстановке «принц».

Добравшись до раны, аккуратно смочила все вокруг отваром ромашки, сместила кровь с волос и обработала ранку спиртом. Ничего там страшного. Осталось немного содранной кожи, а шрам скроется под волосами. Утешила парня, и посоветовала больше пить, чтобы компенсировать

ровать потерю крови. Он благодарно улыбнулся и, тут я поверила, передо мной принц. Очень уж многое сумел он выразить одной улыбкой.

* * *

Прошло несколько дней. Принц ел, спал, пил отвары, которые я ему готовила, и страшно скучал.

Должно быть от нечего делать он оказывал мне знаки внимания: ловил мою ладонь, когда я делала перевязку, поправлял выбившийся из прически локон. Иногда, когда я корпела над чистописанием, он тихонько напевал звучным выразительным голосом, а потом кашлял, но травница настаивала на импровизированных концертах, что бы легкие работали лучше.

Руима осмотрела мою штопку и сказала – получилось неплохо. Просила рассказать о травах, что и зачем применяла и какие я знаю еще.

В разговорах выяснилось, что я сняла с принца какое-то сильное заклятье, обычно приводящее к смертельному исходу. А на куклу, сделанную для чайника, наоборот – наложила. Теперь любой напиток, накрытый этой куклой, приобретал аромат и привкус апельсина.

Так вот почему воины мне кланялись! Мысленно пожала плечами – ничего особенного я не сделала. Руима сказала, что я пела заклинания, и это помогло. А еще, дескать, моя кровь – тоже щит от таких заклятий.

Выдумают тоже! И никакие заклинания я не пела, просто мурлыкала себе под нос песенку для успокоения нервов!

А Вран теперь не вылезал из будки, совсем. Правда, кашу изредка подъедал, да и то – только из моих рук.

Иной раз, умаявшись за день, я выходила на крыльцо посидеть, расчесывая волосы после всяких снадобий Руимы. Тогда тихонько, вполголоса пела для Врана, почти шепотом, свои любимые песни. И так же тихо плакала, вспоминая родителей, сестру, нашу квартиру и девчонк-однорупниц из колледжа. А больше дома меня никто и не ждал.

Королева и Руимасолариэсс

Верховная Хранительница встретила с королевой в маленькой внутренней оранжерее – скорее, солярии.

Стеклянные стрельчатые окна диковинным хрустальным цветком венчали вершину самой высокой башни летнего дворца. Между горшков с цветами и кадками с миниатюрными деревьями стояли не скамейки, а мягкие диванчики, обтянутые кожей. Возле диванчиков располагались маленькие столики из полированного камня.

Впорхнувшая в башню королева улыбалась и посылала воздушные поцелуи кому-то оставшемуся за дверью. Хранительница тихо сидела на стуле с высокой спинкой, любуясь расстилавшимся внизу видом.

– Руима! Ульсоритас не вернулся, и весь отряд тоже пропал! И еще – сегодня на медальоне зажглась вторая звезда!

– Не волнуйтесь, Ваше Величество. Принц жив, – медленно отозвалась Руима. – Ваша мудрость спасла жизнь вашему сыну.

Королева без сил опустилась на стул рядом и прикрыла глаза.

– Как было дело? – негромко спросила она.

– Ловушка. Вместо нашего агента пришел колдун «Чужой крови» с южными наемниками. Принц ожидал нападения, врагам не удалось застать его отряд врасплох. Тогда колдун активировал «Синюю паутину». К счастью, ближайшим селением оказались «Малые Броды».

– Ты исцелила его, Руима?! Ты смогла? Мой долг перед тобой вечен! – громко закричала пораженная королева.

– Не я, Ваше Величество. Я и не смогла бы. Заклятие было очень сильно, да еще и попало в кровь, – наотрез отказалась от звания спасительницы волшебница. – Его Высочество спасла девушка, пришедшая через портал. Она сняла закливание и зашила раны. Через неделю принц сможет вернуться во дворец.

Королева, прикрыв глаза, прочитала короткую молитву Светлым богам и вновь повернулась к Хранительнице:

– Взгляни сюда, Руима! Сегодня загорелась вторая звезда, Саоритас жив!

Верховная Хранительница бережно взяла в руки медальон и посмотрела на сияющую звездочку.

– Возможно, это так, Ваше Величество. Ваша любовь и верность не дали погаснуть последней звезде, и теперь у нас есть надежда отыскать Его Величество. Подождем. Пока сигнал для магического поиска слишком слаб. Только прошу Вас не говорить об этом никому, даже наследнику. Магический поиск – заклятие несложное, и вещей Его Величества осталось достаточно, чтобы кто-нибудь попытался нас опередить.

Королева кивнула с серьезным лицом, но в глазах поселилась надежда.

Маргарита и Вран

Руима запретила мне покидать Его Высочество более чем на час, необходимый на мытье и стирку, боясь, что неведомое мне смертельно опасное колдовство, проникшее в рану, может вернуться.

Принц очень этому обрадовался и сверкал голубыми глазами, поглядывая, как я устраиваюсь на складном стульчике рядом с его ложем. А я куксилась – мне нравилось сидеть с Враном на горюшке. Да и не в рабстве я тут. Вечерком, как коров с луга погонят, непременно на тот пригорок убегу!

Не привыкнув сидеть просто так, я развлекала Его Высочество, рисуя кое-что из нашего мира, рассказывая и удивляя диковинными для него побасенками. А попутно вывязывала себе летнюю ажурную шапочку, похожую на дворянскую сетку для волос. Такой способ рукоделия тут почему-то не был известен, шерсть или лен пряли, ткали, плели, используя челноки и вилки, но вот крючком не вязали.

Шапочка была готова через три дня. Примерив это произведение моих рук, я вышла на крыльцо:

– Вран, посмотри! Как тебе, нравится?

Последнее время я разговаривала с ним, словно с человеком. Будто беседовала с хорошим другом, который всегда услышит и поймет.

Черный нос высунулся из конуры, потом загремела цепь – пес выбрался, отряхнул уже далеко не такие тощие, как раньше, бока и неспешно приблизился.

Я тут же присела на корточки, покрутила головой и опять по-девчоночьи спросила:

– Ну как?

Почему-то я побежала хвастаться именно к нему. Не к принцу, лежащему в доме, не к Руиме, хлопотавшей в огороде с целебными травами, а к огромному псу, видевшему мои слезы.

Вран ходил вокруг, внимательно меня разглядывая...

Ну да, за последние недели я сильно изменилась. Снадобья Руимы разгладили кожу. Прыщики и розовые противные пятна исчезли. Волосы распушились и заблестели. И даже телеса изрядно опали – теперь сарафан приходилось туго шнуровать, чтоб не болтался, как на корове седло.

После внимательного осмотра, собак кивнул одобрительно (как мне показалось), а потом ткнулся черным мокрым носом мне в висок. От изумления я чуть не села на попу в очередной раз. Задумчиво потирая лицо, потрепала второй рукой шелковистые уши и побрела в огород.

Руима была там, копалась длинными загорелыми пальцами в сухой земле, разминая комки – видать, готовила грядочку для чего-то особенного. Я постояла рядом, а потом присоединилась. Начала тоже крошить неуступчивые комочки, поглядывая на Травницу.

– Что-то хотела спросить, Рита?

– Да, Руима, хотела. Скажите мне, Вран ведь не просто собака?

Травница выпрямилась. Разогнув спину, внимательно огляделась по сторонам:

– Да. Вран – не простая собака. Но лучше поговорим об этом подальше от посторонних ушей. Заканчивай грядку, девочка, а я принесу семена.

Старуха отошла к корзинке, наполненной мешочками и сверточками из ткани и бумаги, а я споро размяла оставшиеся комки. Потом мы садили длинные тонкие семечки с хрупкими носиками и поливали грядку. Затем мыли руки и отряхивали подола, и все это время я неотступно думала о том, что расскажет мне Руима. Почему-то я заранее страшилась ее рассказа.

Мы уселись на завалинке. Моя наставница сделала какой-то жест, словно устанавливая полог. Уверившись, что ее волшебство подействовала, она начала:

– Двадцать два года назад у короля и королевы родился сын. По традиции, наследному принцу подобрали сверстников для игр и учебы. Не все были ровесниками – были дети постарше, были и помладше.

Одним из старших друзей стал сын родного брата короля, Вран эт Верис. Знатное происхождение, блестящий ум, способности к обучению и анализу выдвинули его в первые ряды среди других придворных. А еще Вран был верен своему сюзерену, своему кузену и своей стране.

– ЧТО?! – Я подскочила. Из моей груди вырвался вскрик, но травница меня резко одернула, и я села, чтобы слушать дальше.

– Около восьми месяцев назад королевство стало подвергаться необычным нападениям. Смуглокожие наемники, не знающие страха, нападали на границы вдоль побережья. Уводили жителей целыми деревнями. Грабили караваны купцов и все ближе подбирались к Рудным горам – оплоту экономики королевства. Срочно созванный Большой Королевский Совет постановил разузнать о наемниках больше, а пока суть да дело, заключить договор на охрану границ с «Морскими драконами» – так называли жителей морских островов, живущих наймом и разбоем.

В курятнике закудахтали курица, вдалеке мекала чужая коза, а я сидела и слушала страшную сказочку, которая совсем даже не сказка.

А Руима продолжала:

– Морские драконы дело знали. Набеги прекратились. Но усилилось внутреннее давление – стычки в трактирах переходили в побоища, пропадали или гибли люди, занимающие ключевые посты в государстве. Налаженная система управления, опиравшаяся на дворян-владельцев, рушилась на глазах.

Король отправился в инспекционную поездку по стране в сопровождении пышной свиты, а Вран и еще несколько дворян из свит принцев тайно отправились к Южным границам. Они пытались устроиться наемниками, поступить на службу во дворец Барух-бия, наносили официальные визиты с дипломатическими играми, но ничего нового узнать не удалось.

Во время рассказа травница преобразилась, на глазах превращаясь из старушки-селянки в величественную высокообразованную даму. Мне даже стало не по себе: сколько тайн ты хранишь, ведунья? Но рассказ так захватил, что я вскоре перестала замечать все остальное.

Наставница как раз подошла к самому интересному:

– Однажды, в бессилии, Вран с малочисленным отрядом воинов ворвался в дом, в котором последний раз видели одного из погибших придворных – лорда Исунизэля. Стражников безжалостно перебили, а герцог эт Верис получил заряд магии в лоб. Несколько месяцев его держали в этом доме в человеческом облике. Обещали власть и богатство при новой династии, рассказывали о выгодах сотрудничества и, наконец, пытались просто запугать, продемонстрировав силу колдунов «Чужой крови». Так стали называть в королевстве тех, кто пришел через Южные земли, потому что магия их зиждилась на их собственной крови и была чужда этому миру. Заклинания не удавалось снять, они исчезали только со смертью носителя или колдуна.

У меня от страха пересохло во рту.

– К его собственному ужасу, агенты «Чужой крови» решили использовать его просто как бездушную марионетку. Это гораздо сложнее и требует присутствия колдуна в радиусе двух сотен локтей, но зато дает хороший шанс пробраться в ближний круг правящей Династии.

Я и вовсе застыла в неподвижности, вся обратившись в слух.

– Ослабевший за время длительного голода и неподвижного сидения в клетке, опытный воин понял, что может стать предателем и решил покончить с собой. Он сумел опрокинуть на себя и колдунов стеллаж с ядовитыми снадобьями, стоявший поблизости. Задумка почти провалилась – баночки почти не разбились, их стекло на такой случай тщательно заколдовали, но ошарашенные колдуны с перепугу выпустили магическую привязь, тот самый поводок, который не позволял герцогу сбежать.

Я задышала часто-часто, а на глазах показались слезы.

А травница подошла к самому интересному:

– Развернувшись, Вран прыгнул в окно, но немного, совсем чуть-чуть не успел – выбившего раму парня догнало заклинание! На землю с высоты второго этажа приземлился беспородный черный пес.

Я всхлипнула. Руима одобрительно взглянула на мою реакцию, но не стала ее комментировать, а повела трагическую историю черного пса дальше:

– Несколько месяцев он скитался, пытаясь прорваться в миссию к своим друзьям, но в городах была объявлена награда за отлов бездомных собак, и ему пришлось бежать. Отощавшим, но живым Вран добрался до Хранительницы Династии и едва не был зарублен бдительными стражниками.

Я снова бессвязно вскрикнула. Надо же! Какая несправедливость! Столько перенести, чтобы тебя пытались зарубить свои!

Руима усмехнулась, но не стала тянуть кота за хвост, и начала закругляться:

– К счастью, ее магия строилась на безусловном видении королевской крови, и только поэтому безумный черный пес был допущен к ее карете. Говорить он не мог, был болен и обессил, но сумел нацарапать на земле свое имя и руну «Власть». Хранительница ехала во дворец, возвращаясь из летней резиденции династии. По дороге она велела кучеру остановиться в трактире, и поломка задержала их на два дня. Все это время знатная дама не показывалась из своих покоев, а травница Руима беседовала с новым украшением двора – огромным беспородным псом.

В это время наставницу стали громко звать у ворот, и она поспешила закончить, впрочем, без излишней торопливости:

– После этих бесед король получил предупреждение от Хранительницы и усилил ближний круг охраны. Королева, в свою очередь, выдала замуж нескольких фрейлин и воспитанниц за дворян с Южных пределов. Юные леди очень любили свою приемную мать и часто писали ей длинные и подробные письма. Принцы очень скучали по своему другу и родственнику, пропавшему в Южных землях. И порой вспоминали его в узкой компании приближенных. Лорд Верис не писал писем, не просил денег на выкуп. Он растворился в мареве степей.

Руима степенно поднялась, собираясь следовать к очередному пациенту. Я схватила ее за рукав:

– А как же Вран?

Та усмехнулась:

– Остро ощутив угрозу, маги создали команду противостояния «Чужой крови», в которую вошли маги и воины, придворные и шпионы. Увы, сражение велось не на равных. Противостоять заклятиям чужеземных магов могли единицы. Для этого требовалось что-то особенное, трудноуловимое, никак не связанное с полом или возрастом. Люди из группы риска вынуждены были носить сильнейшие защитные амулеты, которые требовали от магов много сил и времени на изготовление. И все это благодаря герцогу. А Вран... что Вран... – Травница сделала многозначительную паузу. И разом обрубил: – Сидит на цепи на моем подворье и отказывается есть.

Мои глаза набухли слезами, и я едва не расплакалась. Точнее, расплакалась. Потом, когда ушла за дом, где меня никто не видел.

Глава 8

Маргарита

А еще потом, задним числом, мне было ужасно стыдно. За все. Значит, Вран человек? А я его с ложки кормила... и в одном покрывале рядом бегала...

– А почему вы его не расколдовали? – совсем глупо брякнула я позже.

– Не могу! Заклятие бросил сильный маг, – горько призналась наставница. – Заклятие было на крови – возможно, он был тогда ранен.

– Но почему он живет так? – воскликнула моя натура, требующая справедливости. – Он же герой! И герцог! Почему не во дворце? И даже не в доме?

Покачав головой, Руима посмотрела на меня как на маленькую девочку с диатезом, просящую конфету.

– Он сам так захотел. Не хотел, чтобы кто-нибудь узнал. – Вздохнула: – И мы согласились.

– Почему?! – я чуть пальцем у виска не крутила. Просто в голове не укладывалось, что можно спокойно дойти до такой жестокости! Живого человека, аристократа – в будку на ошейник, как собаку! Даже простые собаки на цепи долго не живут, а тут герцог! Темнит Руима, ой, темнит!

– Потому, – рывкнула выведенная из себя ведунья, – что во дворце мы не можем его защитить! Едва агенты «Чужой крови» узнают, что в покоях появился черный беспородный пес, на него объявят охоту. – Еще раз вздохнула печально: – А в деревне даже причудой травницы не объяснить собаку, живущую в доме...

Утерев слезы, я сочувственно посмотрела на дверь. Так вот почему Вран постоянно отказывался от еды – чувствовал себя бесполезным и никому не нужным!

– Да и шансов расколдовать его не было... – тихо добавила Руима и все-таки отправилась по своим делам.

Я часто чувствовала себя одинокой в родном доме, в школе и в колледже – пропади я, и никто не заметит. Подумаешь, еще одна не слишком умная или красивая девчонка! Утешение я находила в храме, а где может утешиться собака?

Я спросила Руиме в спину:

– А почему он тогда стал есть?

Все понимающая травница очень тихо, тоже не оборачиваясь, сказала:

– Ты дала ему внимание и заботу. Возле тебя он встряхнулся. Почувствовал себя любимым и нужным даже в теле собаки. А теперь, когда ты спасла Ульсоритаса, который для него как младший брат, Вран из шкуры выпрыгнет, но любой ценой будет тебя охранять и беречь. Уж такой он человек.

Вскочив, я пристроилась хвостиком к наставнице, и когда она быстро разобралась с очередным посетителем, мы, не сговариваясь, возвратились на завалинку, чтобы закончить начатую беседу.

– Но я же его слышала! Совершенно точно это был он, больше некому! – вспомнила я непонятный голос, который про себя обзывала «глюком».

Мы сидели с Руимой на широкой теплой доске и разговаривали тихим шепотом. Солнце играло на песке, и я вспомнила часовню с белеными стенами и ярким витражом. Вот сейчас спрошу у наставницы, кому здесь молятся!

Тут, видно, принцу наскучило лежать одному, и он прислал одного из солдат. Тот нас окликнул:

– Госпожа Руима, госпожа Рита, что вы там шепчетесь? Принц зовет вас.

Руима приложила палец к губам, и мы вместе вошли в дом и завернули на кухню.

– Мы обсуждали необходимый курс лечения, Ваше Высочество, – строго проговорила Травница. – Думаю, завтра Вас уже можно будет перевезти во дворец, объявив всем о ранении на охоте. Ногу пока оставим в повязке, да и руки тоже. Прелестные фрейлины вашей матушки будут сражены столь смелым охотником наповал.

Принц скрипнул зубами, а потом рассмеялся:

– Госпожа Руимасолариэсс, вы неподражаемы! Как долго мне предстоит изображать смертельно больного?

– Около трех недель, Ваше Высочество. Осталось приготовить полдюжины амулетов и встретить три драккара «Морских Драконов».

Принц молча наклонил голову, а потом, глядя на меня, спросил:

– Госпожа Рита, я в вечном долгу перед Вами. Скажите, чем я могу Вас порадовать?

Я, честно говоря, совсем растерялась – эти большие буквы в интонациях и серьезный взгляд заставил меня покрыться мурашками.

Еще третьего дня Руима объяснила мне про Долг Королевской Крови. Оказывается, в королевстве существует такой старинный обычай, который неуклонно соблюдается на протяжении сотен лет: человек, спасший жизнь лицу королевской крови, имеет право потребовать все, что угодно... вплоть до брака с означенной особой.

Что можно ответить человеку, который согласен на все, вплоть до женитьбы, но ты не знаешь, чего хотеть?..

Неопределенно пожав плечами, я ответила:

– Ваше Высочество, мне не хочется оставлять вас должником. Но, право, я и сама не знаю, что мне сейчас необходимо. Спросите у госпожи Руимы, она лучше знает мои потребности.

Принц задумчиво склонил голову, принимая мое решение, но давая понять: разговор не окончен.

Я поспешно вышла на улицу – захотелось посидеть рядом с Враном. Руки просто сами тянулись потрепать гладкие черные уши, погладить длинную морду...

Вран-герцог... как-то боязно стало. Неловко.

Вран будто понял, а, может, и слышал, – слух у собак очень тонкий – подошел сам и ткнулся холодным носом в бедро. Толкнул. Потом еще и еще раз, пока я не присела привычно на ступеньку, не обняла лохматую шею и не полила слезами длинную черную шерсть.

Мы ушли с ним на горку. Долго сидели там, любуясь садящимся солнцем, а потом я погладила его по голове и сказала:

– Теперь я знаю, что ты человек, Вран.

Пес зажмурил глаза и, дернув ухом, потрусил к дому. Мдя-я, неразговорчивый спутник мне попался.

На следующий день принц Ульсоритас отбыл во дворец. Его торжественно уложили на специальную повозку, вокруг толпились мрачные вооруженные воины, стараясь, своими телами прикрывать принца. Руима выдала командиру амулет, и повозка выкатилась за околицу.

Я стояла, приставив ко лбу ладонь, и смотрела, как удаляется кортеж. Вот коротко блеснула вспышка, перед всадниками открылся тоннель. Колонна втянулась в него и... пропала.

Вран привычно ткнулся холодным носом в колено, напоминая о себе. Я опустила руку ему на голову, и мы пошли на горушку.

Вот только горушка была занята: три местных парня увидев меня присвистнули и начали громко разбирать мои стати: от возраста до фигуры.

– А ниче у нее дойки, хоть и старовата уже! – заявил один тощий блондин в пестрядиновых шароварах.

– Так и сзадю есть на что посмотреть, – добавил мелкий черныш в просторной рубахе, оббегая меня слева.

– А уж румянцу любая сельская девка позавидует! – заржал третий, пытаясь меня сгрести длинными, как лопаты руками.

Точку в «беседе» поставил Вран. Пока я с нечленораздельным писком удирала от длиннорукого, он вцепился в зад чернявого. Потом оторвал клоч пестрядиновых шаровар и под конец повис на рукаве рубахи длиннорукого ловца.

С руганью и криками парни бежали, потеряв шапки, а потом приходили к Руиме, жаловаться и лечить укусы.

Травница их жалеть не стала: мазь выдала, а заодно и по крепким шеям накостыляла. Поутру только глухой в деревне не знал, что к ученице лекарки с объятиями лезть нельзя.

Еще через день в наш дом доставили резной сундук из ароматного розового дерева. Сопровождали подарок те самые два воина, что помогли мне ворочать принца на столе.

К сундуку прилагался свиток с печатью. Руима сломала печать и прочла мне красиво выписанные слова. Принц благодарил за спасение, просил принять его скромные дары и напоминал, что не считает свой долг закрытым.

Под резной крышкой обнаружились платья – причем, не льняные или шерстяные, а из шелка, бархата и тонкого сукна. Ниже лежала стопка тетрадей, красивый письменный прибор из незнакомого мне камня с металлическими накладками, восковые палочки, стопка листов пергамента и узкие цветные тесемки и ленточки для упаковки свитков. В уголке приткнулся бархатный кошелек с сыто раздутыми боками.

Вздыхнув, Руима покачала головой и посмотрела на меня. Я все прекрасно понимала: в деревне расхаживать в бархате и шелке по-меньшей мере странно.

Но я все-таки женщина, посмотреть и померить очень хотелось. Руки сами тянулись к нежному сливочному атласу подкладки, к теплой мягкости верхней юбки, тонкому плетению воротника и манжет.

Кивнув своим мыслям, я попросила воинов внести сундук в горницу и поставить в дальний угол.

Платья достану, полюбуюсь и уберу назад. А вот письменный набор придется осваивать – надолго тех ручек и карандашей, что завалились в моей сумке, не хватит.

Я радостно поспешила переодеваться и тут же запуталась в тесемках, завязках и крючках. С моим бельем я бы еще забралась в эту красоту сама, но пышные дворянские наряды полагалось носить с непременно нижними сорочками и шнурованными корсетами.

В общем, Руиме пришлось помогать мне шнуровать платье и белье, расправлять складки и жесткие от золотого шитья уборы.

Примерив одно такое сооружение, я так запыхалась, что не хотела мерить остальные, пока Руима не подвела меня к зеркальцу в резной деревянной рамке.

Платье было из темно-синего шелка с отделкой из бархата на рукавах и юбке. Жесткий корсет утянул бока и выпятил грудь, плечи сияли белизной в обрамлении синего бархата, расшитого серебряной нитью и жемчугом.

Тонкие низки белых бусин спускались с жесткого оплечья по расширяющемуся к низу рукаву и терялись в бархатных складках отделки. Шелестящие, волнующиеся от малейшего движения свободные юбки топорщились вокруг.

Заглядевшись на себя, я не сразу заметила, что Руима пытается водрузить мне на голову что-то вроде ободка или кокошника, обтянутого бархатом с серебряной сеткой снизу.

Натянула и это чудо, спрятала торчащие во все стороны волосы и залюбовалась.

Конечно, лицо не изменилось – глаза не стали больше или ярче, нос по-прежнему торчал, губы ничем не напоминали лепестки роз – но обрамление подчеркнуло высокий лоб. Синий

бархат сделал глаза глубже, спокойнее. Блестящая сетка, выглядывающая из-за головы, оттенила недавно появившийся румянец.

Не красавица, но и не совсем простушка.

– Ты еще на улицу выйди! – улыбнулась Руима. – Шелковый бархат на солнышке играет, как вода.

Я выбралась на крыльцо, любуясь собой в маленькое зеркальце. За забором раздались протяжные вздохи. Судя по всему, в кустах притаились наблюдатели. Стоило Врану коротко рыкнуть, кусты усиленно зашуршали.

Руима усмехнулась:

– Вот теперь вся деревня узнает, какая краля у меня живет. Гляди Рита, сватов зашлют и Вран не отвадит.

Я только головой покачала:

– Что вы, какие сваты, им своих девок хватает, зачем еще перестарок такой.

Руима только посмеялась и увела меня в дом, смотреть другие наряды.

Постепенно я перемерила всю дюжину нарядов, оказавшихся в сундуке. Чего там только не было! – и юбка с разрезами и шароварами для верховой езды; и утреннее платье из тонкой светлой ткани, щедро сдобренное кружевами; и строгий камзол с белым полотняным воротником, и суконная юбка для прогулок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.